

СЕРИЯ «КВАНТОВЫЙ ФАРМАЦЕВТ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**ЭЛИКСИР
НУЛЕВОГО ДНЯ**
КВАНТОВЫЙ ФАРМАЦЕВТ

ЛІТРРГ • КРАФТИНГ • АЛХИМИЯ

Нейтон Патчер

**Квантовый Фармацевт:
Эликсир Нулевого Дня**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Квантовый Фармацевт: Эликсир Нулевого Дня / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Глеб Орлов, ведущий химик-технолог крупного фармацевтического концерна, погибает от взрыва лаборатории и перерождается в жестоком мире Системы. Но его младшая сестра Алиса переносится вместе с ним и оказывается в коме под действием смертельного проклятия сна. Спасти ее может лишь зелье высшего ранга, но местный алхимический картель требует за него миллиард золотых. Все алхимики этого мира варят зелья по средневековым рецептам, получая жалкие +10% к силе. Но Глеб знает законы квантовой химии и молекулярного катализа. Пробудив класс, он открывает эффект каскадного резонанса: его растворы не складывают эффекты, а перемножают их, давая баффы в +5000% без побочных эффектов. Глеб открывает подпольную лабораторию и объявляет войну золотой монополии!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Диагноз за миллиард	6
Глава 2. Средневековая алхимия	15
Глава 3. Первая дистилляция	24
Глава 4. Каскадный резонанс	31
Глава 5. Черный рынок Нижнего Города	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Нейтон Патчер
Квантовый Фармацевт:
Эликсир Нулевого Дня
НЕЙТОН ПАТЧЕР

КВАНТОВЫЙ ФАРМАЦЕВТ:

ЭЛИКСИР НУЛЕВОГО ДНЯ

Серия «Квантовый Фармацевт» • Книга 1

Глава 1. Диагноз за миллиард

Серая ветошь, пропитанная техническим спиртом и эфирным маслом лунной полыни, тихо поскрипывала о кварцевое стекло. Глеб Орлов медленно, с хирургической дотошностью вел пальцами вдоль витков змеевика. Раз, два, три оборота спирали. Самодельный, выдутый вручную из разбитых колб лабораторного мусора третьего уровня, этот дистиллятор выглядел уродливым выкидышем кустарной инженерии. И все же геометрия была соблюдена идеально: шаг резьбы выверен до микрона, угол наклона трубки отвода компенсировал перепад гравитационного давления Нижнего Города.

В полуподвале стоял застарелый, въевшийся в бетонные плиты запах: смесь машинного масла, дешевого синтетического супа, сырой плесени и резкого, морозного озона.

Озон исходил от защитного купола.

Глеб остановил руку, на мгновение задержав дыхание, и повернул голову. В противоположном углу крошечной каморки, прямо на продавленном топчане, мерцала полусфера тускло-бирюзового силового поля. «Сфера-7» — списанная армейская капсула полевой консервации. Сквозь мутный, исцарапанный пластик и дрожащую световую пленку было видно бледное, заострившееся лицо девочки.

Мая. Ей было одиннадцать. Или уже двенадцать? В этой бесконечной полутьме подбрюшья мегаполиса, где день от ночи отличался лишь сменой циклов гудения гигантских очистительных турбин под потолком сектора, время текло тягуче, как испорченный квантовый сироп.

Грудь девочки под тонкой холщовой рубашкой не вздымалась. Стазис заморозил биологические процессы на субклеточном уровне, замедлив метаболизм в четыре тысячи раз. Но даже сквозь защитное поле Глеб видел то, от чего внутри все скручивалось в ледяной жгут: по тонкой девичьей шее, поднимаясь от ключиц к челюсти, медленно ползли едва заметные пепельно-синие ветви. Они напоминали тончайшие кристаллы инея, застывшие под прозрачной кожей.

В воздухе перед глазами Глеба лениво плавали полупрозрачные строчки системного интерфейса:

[Внимание! Внешний контур стазис-модуля «Сфера-7» нестабилен.]

* Ресурс энергетической ячейки: **7%**

* Расчетное время до деградации поля: **41 час 18 минут**

* Биологический статус пациента: **Критический (Прогрессирующая энтропия ядра)**

* Штраф к выживанию при отключении поля: **99.4%**

— Сорок один час, — негромко произнес Глеб. Его голос прозвучал глухо, словно треснувший изолятор.

Он не был тем сопливым неудачником, чье тело сейчас занимал. Настоящий Глеб Орлов, девятнадцатилетний мусорщик и подмастерье-недоучка из аптекарских трущоб, скончался три ночи назад, захлебнувшись ядовитыми испарениями перегретого тигля с медным купоросом. Но пустота не осталась пустой. Память Архифармацевта Девятого Конвергентного Круга, повелителя квантовых тиглей и алхимического распада, выжгла нейроны мертвого мальчишки, сплавив воедино две жизни.

В том далеком, сверкающем мире за его плечами стояли парящие лаборатории размером с малые луны, а короли секторов платили звездными системами за одну каплю Эликсира Первородной Искры. Но здесь... Здесь он очнулся в сырой конуре Нижнего Города, в теле с дефицитом веса в двадцать килограммов, без маны, без оборудования и с умирающей сестрой на руках. Ирония судьбы, достойная богов энтропии. В прошлой жизни он искал способ обойти

сингулярность вселенной, а в этой — вынужден скрести медь со старых кабелей, чтобы купить дешевый топливный брикет.

Глеб опустил ветошь, взял со стола плоский металлический коробок и щелкнул тумблером.

Чирк.

Квантовая горелка — древняя, трофейная, переделанная из плазменного резака времен Первой Зачистки — недовольно заурчала. В сопле заплескала игла бледно-фиолетового пламени. В воздухе запахло паленым кремнием.

[Активирован навык: «Чувство Резонанса (Угасшее)», Уровень 1]

* Стабильность термического потока: **84.2%**

* Допустимое отклонение спины: ** ± 0.04 ед.**

* Предупреждение: Физическая выносливость носителя недостаточна для поддержания тонкого контроля. Шанс денатурации реагента: **22%**.

Глеб проигнорировал системное предупреждение. Его пальцы, длинные, с разбитыми и вьевшимися в трещины кожи черными пятнами кислот, не дрогнули. Он поставил под змеевик круглую колбу из темного стекла, в которой лениво перекачивалась бурая взвесь — экстракт мха-светососа, собранного им на дренажных решетках центрального коллектора, с добавлением осажденных солей тяжелого водорода.

Это не было лекарством. Это было всего лишь жалким подобием стабилизатора, грубой заплаткой, способной выиграть для Майи еще дюжину часов, если удастся очистить фракцию до третьего квантового порядка.

Пламя лизнуло дно реактора. Бурая жижа вскипела мгновенно, выбрасывая в трубку клубы едкого, флуоресцирующего пара. Змеевик задрожал. Глеб прищурился, вглядываясь в самую структуру пара. Там, где обычный лаборант видел лишь кипение химиката, его пробужденное восприятие различало тонкие нити вероятностей, микроскопические квантовые вихри, сталкивающиеся и разрушающие молекулярные связи.

— Связывайся... — сквозь зубы процедил он, направляя остатки своей скудной духовной энергии в кончики пальцев. Стекло под его ладонью слабо засветилось. — Не смей распасться на изотопы. Держи решетку.

Тонкая струйка конденсата поползла по спирали вниз. Капля. Еще одна.

На дно приемника упала густая, отливающая серебром жидкость.

[Создан предмет: «Кустарный изомерный стабилизатор (Грязный)»]

* Качество: **Низкое (Плотность связей 61%)**

* Эффект: Замедляет клеточный коллапс на **12–18 часов**.

* Побочный эффект: Накопление токсинов распада в печени (+14% к общему отравлению).

* Получено опыта алхимии: **15 ед.**

* Текущий уровень: **2 (До следующего уровня: 85/200)**

Глеб с глухим щелчком выключил горелку. Стекланный корпус прибора потрескивал, остывая. Парень тяжело оперся о заваленный хламом верстак, переводя дыхание. Сердце колотилось в ребрах, как пойманная в банку механическая крыса. Тело было слабым. Мышцы ныли, зрение расплывалось черными мушками.

— Двенадцать часов... — выдохнул он, глядя на мутную серебристую каплю. — Слишком мало. Это даже не полумера. Это растягивание агонии.

Майе не нужен был кустарный дистиллят из ядовитого мха. Майе требовался полноценный стабилизирующий картридж корпоративного стандарта — «Эгида-Био IV» или чистый синтетический прана-раствор высокой очистки. А еще лучше — профессиональное сканирование на медицинском квантовом томографе шестого поколения.

Такие вещи не валялись на свалках Нижнего Города. Их продавали только в одном месте в этом секторе — в Центральной франшизе Аптечного Синдиката «Гелиос-Фарма».

Глеб подошел к стазис-куполу, прикоснулся пальцами к холодной, вибрирующей поверхности силового поля. Под стеклом ресницы девочки едва заметно дрогнули, но глаза не открылись. Она была заперта в кошмаре собственного разрушающегося тела.

— Я скоро вернусь, мелкая, — негромко сказал он. — Держись за ядро. Слышишь? Не отпускаяй его.

Он засунул колбу с полученным раствором во внутренний карман потрепанной брезентовой куртки, застегнул засаленный воротник под самое горло и полез под верстак. Там, за фальшивой панелью распределительного щитка, лежал плоский жестяной футляр из-под патронов к кинетическому карабину.

Глеб открыл крышку. Внутри, тускло отсвечивая медными контактами, лежали восемь пластиковых пластинок. Кредитные чипы низшего номинала. Все, что скопил предыдущий владелец тела за полтора года каторжного труда в фильтрационных шахтах и продажи медного лома.

Он пересчитал их быстрым движением пальцев:

— Семьсот сорок два медных кредита.

Этого едва хватило бы на три суточных рациона белковой пасты и пол-литра технического спирта. Но у него не было выбора. В кармане куртки лежала еще одна вещь — полуразобранный кристаллический диагност, снятый с мертвого техника в техническом тоннеле три недели назад. Если повезет, в Синдикате примут его в качестве залога или обменяют на базовые реактивы.

Глеб запер тяжелую герметичную дверь подвала на три механических засова, проверил ловушку из тонкой медной проволоки на пороге и шагнул в сырую мглу улицы.

Нижний Город не спал никогда. У него попросту не было циркадных ритмов.

Сектор С-14, известный среди местных как «Гнилой Сток», располагался на глубине полутора километров под сияющими шпильями Верхнего Эдема. Здесь небо заменяло колоссальное брюхо платформы класса «Титан»: переплетение многометровых труб, силовых кабелей толщиной с вековой дуб и массивных ферм перекрытий, с которых непрерывно капал едкий, пахнущий машинным маслом конденсат.

Глеб шел вдоль узкой улочки, зажатой между сложенными из грузовых контейнеров многоэтажными бараками. Неоновые вывески — кривые, шипящие, наполовину перегоревшие — заливали лужи грязи ядовито-розовым и мертвенно-зеленым светом:

«Синтез-Лапша: Вкус настоящей свинины всего за 3 кредита!»

«Импланты б/у. Дешево. Быстрая установка без стерилизации!»

«Кредитная касса „Золотой Квант“ — отдай почку сегодня, живи завтра!»

Навстречу попадались тени. Люди здесь редко смотрели друг другу в глаза. Биомодифицированные работяги со строительными гидроманипуляторами вместо правых рук, ссутулившиеся от тяжести экзоскелетов; уличные торговцы стимуляторами с мутными, фосфоресцирующими белками глаз; девки в дешевых полимерных плащах, чья аура сквозь восприятие Глеба выглядела как разорванная в клочья грязная ветошь.

[Внимание: Плотность эфирного загрязнения воздуха — 48 ppm]

* Вдыхание без фильтра снижает регенерацию выносливости на **15%**.

* Накопленный уровень мутагенной интоксикации: **4.1%**.

Глеб натянул на нос старый респиратор с потрескавшейся резиновой мембраной. Клапан глухо захлопал в такт дыханию.

Каждый шаг давался телу с трудом, но разум Архифармацевта работал с холодной эффективностью квантового процессора. Он непрерывно сканировал окружение. Опыт сотен прожитых в прежнем мире сражений и алхимических войн заставлял отмечать каждую деталь: вот у того киборга в подворотне разболтан шарнир левого колена — он не сможет быстро сократить дистанцию; у торговца за углом под полкой куртки спрятан игольник с токсичным зарядом на основе нейропаралитика третьей группы; а вентиляционная решетка сверху вот-вот сорвется от вибрации.

Спустя сорок минут быстрой ходьбы вонь нечистот и жареной сои стала уступать место другому запаху. Запаху, который ни с чем нельзя было спутать: смесь антисептиков высшего класса, озонированного воздуха и тонкого, сладковатого аромата дорогостоящих стабилизирующих растворов.

Глеб вышел на Площадь Шестеренки.

Здесь пейзаж резко менялся. Бараки расступались, уступая место монументальному трехэтажному зданию из полированного черного базальта и бронестекла. Над массивными раздвижными дверями горела огромная голограмма — сияющий золотой кадуцей, обвитый спиралью ДНК и формулой квантовой суперпозиции.

«ГЕЛИОС-ФАРМА: ЗДОРОВЬЕ ВАШЕГО БУДУЩЕГО»

Филиал №841. Авторизованный дистрибьютор Консорциума.

Перед входом стояли двое штурмовиков корпоративной службы безопасности в тяжелых композитных доспехах «Цербер-М». В их руках покоились короткие импульсные карабины, а на плечевых щитках тускло горели синие руны экранирования. Над головами охранников висели системные плашки:

[Корпоративный страж Синдиката (Ур. 28)]

* Класс: **Тяжелый пехотинец био-контроля**

* Уровень угрозы: **Смертельный**

Для Глеба с его текущим вторым уровнем эти парни были ходячими машинами судного дня. Один выстрел из такого карабина испарил бы его вместе с пальто и полусгнившими ботинками.

Глеб не замедлил шаг. Он выпрямил спину — насколько позволял этот истощенный, сутулый позвоночник — и направился прямо к стеклянным дверям.

Один из охранников лениво скосил на него визор шлема. Сканирующий луч пробежал по фигуре Глеба сверху вниз, окрашивая брезентовую куртку в кроваво-красный цвет.

— Стой, шваль, — металлическим голосом через внешний динамик бросил боец. — Зона класса «Б». Вход для лиц с социальным рейтингом ниже двухсот пунктов запрещен, если нет открытого депозита.

Глеб не отступил ни на дюйм. Он поднял руку, демонстрируя зажатый между пальцами кристаллический диагност техника.

— Запрос на экстренную фармацевтическую оценку и залоговый обмен, — четко, чеканя каждое слово с ледяной интонацией аристократа, произнес Глеб. В его голосе не было привычного для трущобного отребья раболепия или страха. — Статья сорок четыре Торгового Кодекса Консорциума. Отказ в доступе клиенту с материальным эквивалентом для оценки карается аннулированием лицензии внешнего контура. Ты хочешь спорить с протоколом Синдиката, рядовой?

Охранник замер. Сквозь поляризованное стекло визора невозможно было разглядеть его глаз, но сервоприводы на его экзоскелете едва слышно взвизгнули, сжав пальцы на цевье карабина. Ни один бродяга из Стока не разговаривал так. Ни один отброс не знал статей Торгового Кодекса.

Второй охранник хмыкнул, приложив два пальца к шлему — видимо, слушая внутренний канал связи:

— Пропусти его, Барт. Диспетчер видит чип. Пусть войдет. Если у него пусто на балансе — сервопогрузчики вышвырнут его через задний люк вместе с мусором.

Первый медленно отвел ствол в сторону:

— Две минуты на дезинфекцию, кусок дерьма. Если капнешь жиром на плитку — пристрелю на месте.

Стеклянные двери бесшумно разъехались в стороны, впуская Глеба внутрь.

Внутри царил стерильная, пугающая тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом систем климат-контроля. Белоснежный наливной пол отражал потолочные люминесцентные панели. Воздух здесь был настолько чистым и насыщенным кислородом, что у Глеба закружилась голова, а в легких возникло острое, колющее ощущение — его организм, привыкший к тяжелому смогу Стока, воспринял чистоту как шок.

По залу, бесшумно паря в десяти сантиметрах над полом, скользили сервисные дроны-уборщики. Вдоль стен тянулись витрины из бронированного стекла, внутри которых на мягких бархатных подушечках покоились сокровища нового мира.

Глеб скользнул взглядом по ценникам, и его брови медленно поползли вверх:

* **«Нейро-Стимулятор „Вспышка-3“»** — 1 200 медных кредитов.

* **«Антидот широкого спектра (Класс Чистоты: В)»** — 4 500 медных кредитов.

* **«Квантовая сыворотка клеточной регенерации»** — 80 000 серебряных кредитов.

* **«Эссенция Истинного Возвышения (Ранг: Эпический)»** — 15 000 000 золотых кредитов.

Капитализм, помноженный на абсолютную монополию Системы. Они продавали саму жизнь, взвешивая ее на аптекарских весах и облагая тройным налогом.

В конце зала за полукруглым прилавком из матового монолитного пластика сидел фармацевт. Это был мужчина лет сорока с холемым, неестественно гладким лицом — результатом дорогостоящей биокосметики. На его тонком носу сидели тончайшие золотые очки без дужек, сканирующие спектр входящих клиентов, а на лацкане белоснежного халата сверкал серебряный значок:

[Марк Вайсс. Старший провизор 4-го ранга. Алхимик Системы (Ур. 42)]

Вайсс даже не поднял взгляда от голографического планшета, когда Глеб подошел к прилавку. Он брезгливо поморщился, словно в комнату залетела навозная муха.

— Заказ через терминал у входа, оборванец, — процедил провизор, лениво перелистывая страницы отчета взмахом наманикюренного пальца. — Самый дешевый аспирин — двенадцать кредитов. Техническая мазь от лишая — двадцать пять. Бери и проваливай через боковой выход, не порти вид витрин.

Глеб положил кристаллический диагност прямо на зеркальную поверхность прилавка. Раздался негромкий, четкий стук металла о пластик.

Вайсс замер. Его взгляд медленно опустился на прибор, затем переместился на лицо Глеба.

— Я здесь не за аспирином, провизор, — ровным, лишенным эмоций тоном произнес парень. — Мне нужна диагностическая расшифровка данных с кристаллической матрицы и

стабилизирующий препарат класса «Хронос» или его эквивалент с квантовым индексом не ниже шестого.

Провизор на секунду опешил. На его лице отразилась сложная гамма чувств: от дикого изумления до нарастающего бешенства. Чтобы бродяга с нижних уровней, от которого несло дегтем и мхом, оперировал терминами старших курсов Фармацевтической Академии?

— Ты бредишь, мальчик? — Вайсс снял очки, обнажив холодные водянистые глаза с аугментированными зрачками-диафрагмами. — Какой «Хронос»? Ты хоть знаешь, сколько стоит один миллилитр хроно-раствора? Твоя жизнь вместе с твоими внутренностями, сданными в утиль-сырье, не покроет даже стоимости колпачка от этой ампулы.

— Оценку прибора, — Глеб проигнорировал выпад, указав подбородком на диагност. — В нем сохранился диагностический лог военного полевого госпиталя. И пациентка внесена в локальный реестр. Сделай свою работу, Вайсс. Или мне напомнить тебе параграф семнадцатый Устава Корпорации об отказе в приеме системных носителей информации?

Провизор сузил глаза. На его шее вздулась тонкая синяя жилка. Он явно боролся с желанием нажать кнопку вызова охраны, но регламент Системы был выжжен в его контракте каленым железом: любой системный артефакт, принесенный в аптеку, должен был быть просканирован через терминал оценки. Нарушение грозило штрафом в размере полугодового оклада и списанием баллов прогресса.

— Клади на панель, — прошипел Вайсс, сверля Глеба ненавидящим взглядом. — Но учти: если это пустышка, я лично спишу с твоего идентификатора стоимость потраченной на считывание энергии. А если у тебя нет кредитов — пойдешь на отработку в шламовые отстойники.

Глеб молча пододвинул кристалл к выемке анализатора.

Вайсс ударил ладонью по сенсорной панели. Защитный колпак опустился, накрыв прибор. Аппарат загудел — утробно, басовито, наполняя воздух запахом концентрированного ионизированного азота. Над прилавком вспыхнула сложная трехмерная проекция.

Сначала это была стандартная медицинская карта: схематичный силуэт человеческого тела, пульсирующие сосуды, показатели органов. Но затем проекция дрогнула. Синий цвет сменился тревожным, багрово-черным. Линии графика задергались, скручиваясь в невозможные узлы, нарушающие стандартные фрактальные законы Системы.

Глаза провизора округлились. Он придвинулся ближе, его холеные пальцы забегали по виртуальной клавиатуре с пулеметной скоростью:

— Что за чертовщина... Это ошибка матрицы? Сбой когитатора?

— Это не сбой, — тихо сказал Глеб, вглядываясь в пульсирующую структуру распада. Он узнавал этот почерк. Узнавал с холодной яростью.

Над голограммой сформировался гигантский системный свиток, буквы которого сочились темно-красным светом:

[ВНИМАНИЕ! ЗАВЕРШЕН АНАЛИЗ ПАЦИЕНТА: МАЙЯ ОРЛОВА (11 ЛЕТ)]

* Первичный статус: **Критический**

* Патология: **Энтропийный Коллапс Квантового Ядра (Аномалия Нулевого Дня)**

* Степень поражения клеточной матрицы: **74.8%**

* Мутация: Спонтанное зарождение Сингулярности в источнике жизненной силы. Разрушение хромосомных цепочек под воздействием квантового излучения неизвестного спектра.

* Оставшееся время стабильности биологического объекта: **38 часов 42 минуты.**

Вайсс тяжело сглотнул. Он поднял глаза на Глеба, и в его взгляде больше не было высокомерия. Там плескался суеверный, почти первобытный ужас исследователя, заглянувшего в бездну.

— Кто... кто она тебе? — осипшим голосом спросил аптекарь.

— Сестра.

— Твоя сестра... она живой реактор распада, парень, — прошептал Марк, глядя на пляшущие графики. — Ее ядро не просто угасает. Оно выворачивается наизнанку. Это не болезнь трущоб. Это даже не проклятие пустоты. Это квантовая сингулярность высшего порядка. Такое происходит один раз на сто миллиардов субъектов... когда геном пытается мутировать в ранг Первородного без предварительной стабилизации.

— Я знаю, что это такое, — отрезал Глеб. — Протокол лечения. Выдавай расчет.

Провизор нервно хохотнул — коротко, истерично:

— Лечения? Ты в своем уме, оборванец? Такое не лечат! Это фундаментальный дефект матрицы! Единственное, что может удержать ее ядро от аннигиляции — это непрерывная терапия наномитами десятого поколения с инъекциями очищенной Квантовой Росы Звездного Ранга!

— Выведи счет на экран, — повторил Глеб. Его голос стал пугающе тихим, тяжелым, как гранитная плита склепа. — Я требую расчет Системы. По протоколу «Гелиос-Фарма». Сейчас же.

Вайсс дернул щекой, скрипнул зубами и с силой нажал финальную комбинацию клавиш на пульте:

— Смотри, нищий. Смотри и захлебнись своей надеждой!

Воздух над прилавком взорвался ослепительным золотым сиянием. Интерфейс Системы развернул официальный счет за подписью Главного Искина Корпорации:

[ПРОТОКОЛ ТЕРАПИИ: «СТАБИЛИЗАЦИЯ СИНГУЛЯРНОСТИ — РАНГ ОМЕГА»]

* Базовый курс препаратов (Ингибиторы распада 9-го поколения — 12 ампул): **120 000 000 кредитов**

* Процедура молекулярной рекалибровки в стационаре Верхнего Города: **350 000 000 кредитов**

* Лицензия на использование технологии Квантового Синтеза: **530 000 000 кредитов**

ИТОГО К ОПЛАТЕ: *1 000 000 000 КРЕДИТОВ (ОДИН МИЛЛИАРД ЗОЛОТЫХ КРЕДИТОВ)**

* Примечание: Оплата в рассрочку не предусмотрена. Срок внесения первого депозита: **24 часа.**

* При отсутствии оплаты: Пациент подлежит обязательной утилизации службой био-контроля во избежание микро-квантового взрыва сектора.

В зале повисла мертвая тишина.

Один миллиард.

Сумма, за которую можно было купить орбитальный крейсер, полностью выкупить три таких сектора, как С-14, вместе со всеми их жителями, потрохами, строениями и воздухом на сотню лет вперед. Это был не диагноз. Это был смертный приговор, аккуратно оформленный корпоративным шрифтом с золотой каемочкой.

Вайсс торжествующе, злобно осклабился. Страх отступил, уступив место привычному классовому садизму:

— Ну что, господин заказчик? Будете оплачивать наличными или снимем с вашего системного счета? А может, у тебя в твоём вонючем подвале завалился печатный станок Консорциума?

Он подался вперед через прилавок, тыча униженным дешевыми накопительными кольцами пальцем в лицо Глебу:

— У тебя тридцать восемь часов, крыса. Через тридцать восемь часов твоя девчонка вспыхнет маленькой синей звездочкой, если служба зачистки не пристрелит ее раньше прямо через твой гнилой стазис-купол. Забирай свою жестянку и убирайся отсюда. Твое место в канаве, а ее — в печи утилизатора!

Глеб не опустил взгляда. Он медленно протянул руку и забрал кристаллический диагност с панели анализатора. Его движения были плавными, почти ленивыми.

Ни тени отчаяния. Ни капли паники.

Внутри него, под ветхой оболочкой девятнадцатилетнего оборванца, спал титан. Архифармацевт, переживший падение миров и предательство верховных архонтов. Миллиард кредитов? Бумажки. Мусор, придуманный трусливыми бюрократами, не способными понять истинную природу первородного квантового хаоса.

Они называли это «дефектом матрицы». Они называли это «патологией».

Для слепых идиотов из Синдиката пробуждение квантового ядра было болезнью, потому что их жалкие синтетические стабилизаторы были не способны подчинить эту мощь. Но для него... для того, кто создавал эликсиры бессмертия из ядер умирающих квазаров, это был величайший алхимический ингредиент во вселенной.

Майя не умирала. Ее тело пыталось совершить трансцендентный фазовый переход, а тупая машина Системы блокировала его, разрушая детскую плоть.

«Энтропийный Коллапс Квантового Ядра»?

Нет. В древних трактатах Девятого Круга это называлось иначе: **«Рождение Нулевого Дня»**.

Глеб посмотрел прямо в глаза Вайссу. Его собственные зрачки на долю секунды сузились, полыхнув первородным, леденящим душу фиолетовым огнем — пламенем истинной, не знающей пощады алхимии.

Провизор осекся. Улыбка сползла с его лица, сменившись внезапным приступом панической духоты. Ему показалось, будто температура в помещении упала до абсолютного нуля, а стоящий перед ним оборванец вырос до самого свода купола, заслонив собой свет люминесцентных ламп. Вайсс отшатнулся назад, сбив бедром свой эргономичный стул.

— Я приду за этим заказом, — очень тихо, отчетливо произнес Глеб. — Но не чтобы купить ваши помои.

Он развернулся и пошел к выходу. Его шаги гулко отдавались от стерильной белизны пола.

— Стой! — визгливо крикнул ему в спину опомнившийся аптекарь, хватаясь за край стойки. — Ты... ты угрожаешь сотруднику Консорциума?! Эй, охрана! Задержите его!

Двери перед Глебом уже расходились в стороны. Двое бронированных штурмовиков вскинули карабины, перекрывая выход на площадь, но в этот момент в поле зрения Глеба, перекрывая весь мир, вспыхнуло новое, золотое системное уведомление.

Оно не принадлежало протоколам «Гелиос-Фарма». Оно пришло из самых темных, запретных глубин самой Системы:

[ВНИМАНИЕ! ЗАФИКСИРОВАНО КРИТИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ РЕЗОНАНСА]

* Диагностирован статус цели: **«Нулевой День»**

* Шанс на спасение стандартными методами: **0.000%**

* Распечатан заблокированный протокол древнего наследия...

* **[УНИКАЛЬНЫЙ КВЕСТ КЛАССА «АБСОЛЮТ»: «ЭЛИКСИР НУЛЕВОГО ДНЯ»]**

* **Цель:** Синтезировать стабилизирующий эликсир Нулевого Порядка до момента схлопывания сингулярности сестры.

* **Время до провала:** **38 часов 39 минут.**

* **Награда:** Пробуждение Истинного Класса «Квантовый Фармацевт (Легендарный)», снятие всех печатей параметров, открытие Первой Лаборатории Бездны.

* **Штраф за провал:** Гибель носителя, коллапс Сектора С-14, окончательное стирание души из летописей Системы.

[Вам открыт скрытый рецепт ранга «Ересь»:]

* **«Инверсионный фиал Квантового Рассвета»**

* *Ингредиенты:*

1. Мутировавшая медь коллектора (100% очистка) — *в наличии*.

2. Слезы химеры 3-й перегонки — *доступно в трущобах*.

3. **Стабилизирующий изотоп из сердечника охранного автомата «Цербер»** — *требуется извлечение*.

Глеб медленно опустил взгляд на грудь ближайшего штурмовика, где под бронеплитой тускло пульсировал синий рунный кристалл питания.

На губах парня впервые за обе жизни появилась холодная, хищная усмешка.

— Тридцать восемь часов, — прошептал он, сжимая в кармане рукоять самодельного плазменного резака. — Более чем достаточно, чтобы перевернуть этот город вверх дном.

Глава 2. Средневековая алхимия

Дула импульсных карабинов смотрели Глебу точно в переносицу.

Два штурмовика корпоративной безопасности «Гелиос-Фарма» замерли в стандартной боевой стойке: ноги на ширине плеч, экзоскелеты гудят на низких частотах, пальцы на спусковых крючках с биометрическими предохранителями. За их спинами сквозь бронированное панорамное остекление открывался вид на сияющие шпили Верхнего Яруса, а прямо перед ними стоял человек в засаленной куртке техника, в кармане которого тикала невидимая для них бомба.

Тридцать восемь часов и тридцать девять минут.

Каждая секунда была на счету, а эти двое стояли между ним и единственным шансом спасти Леру.

— Оружие на пол! Руки за голову, лицом к терминалу! — рявкнул правый штурмовик. Его шлем с глухим забралом искажал голос, превращая его в металлический скрежет динамика.

Аптекарь за стойкой что-то испуганно верещал, судорожно вбивая код экстренной блокировки в сенсорную панель. С потолка уже начинали опускаться массивные титановые жалюзи.

Глеб даже не моргнул. В его зрачках, расширенных адреналиновым штормом, плясали золотые и бирюзовые строчки системных данных. Навык биохимического сканирования, доставшийся ему от прошлой земной жизни во главе исследовательского отдела квантовой фармакологии и помноженный на свежепробужденный системный протокол, работал на предельных оборотах.

Мир вокруг замедлился. Для обычного наемника эти штурмовики были монолитными машинами для убийства: композитная броня пятого класса, руническая гравировка рассеивания кинетики, силовые щиты на генераторах нижнего пояса.

Но Глеб не смотрел на броню. Он смотрел на нее как технолог-материаловед и полевой химик.

Штурмовик слева — модель экзоскелета «Булат-4М». Вторичная охлаждающая магистраль гидравлики выведена под левый наплечник. Шланг из армированного полимера, заправленный хладагентом на основе фторорганического эфира под давлением в тридцать атмосфер.

Штурмовик справа — синий рунный кристалл питания на нагруднике. Модель «Цербер-Импульс». Кристалл искусственно выращенного мана-корунда низкого сортового качества. Неоднородная решетка, микротрещины в нижнем правом квадранте, компенсированные дешевой экранирующей смолой.

«Вы даже регламент технического обслуживания нарушаете ради корпоративной сверхприбыли, — холодно констатировал Глеб. — Жалкие дилетанты».

Его правая рука плавно скользнула из кармана. Плазменный резак техника — инструмент размером с толстый маркер, предназначенный для пайки перебитых кабелей.

— Я сказал: руки!..

Щелчок пьезоэлемента. Глеб не стал целиться в лицо или грудь. Он крутанул регулятор мощности на максимальный импульс, закоротив защитный конденсатор медным обрезком, который лежал у него в кармане с самого утра.

Тонкая, ослепительно-фиолетовая игла плазмы толщиной в полмиллиметра ударила точно в сочленение левого наплечника первого охранника. Армированный шланг лопнул с сухим хлопком, похожим на выстрел. Перегретый фторорганический хладагент мгновенно вступил в контакт с открытой дугой плазмы, сдетонировав объемным термохимическим микровзрывом.

Густое облако едкого, белоснежного фторфосгенового дыма заполнило шлюзовой отсек за долю секунды.

Штурмовик взвыл — автоматика экзоскелета заблокировала левый сервопривод, потянув бойца вниз. Второй боец, ослепленный вспышкой, рефлекторно нажал на спуск карабина, но Глеб уже не был там, где секунду назад стоял силуэт. Он скользнул вправо, сделав низкий перекат по полированному полу, и коротким тычком раскаленного сопла резака коснулся правого квадранта рунического кристалла второго штурмовика.

Микротрещина срезонировала. Внутреннее напряжение перенасыщенного маной искусственного корунда высвободилось с яростным треском. Энергетический контур схлопнулся сам в себя, ослепив датчики шлема снопом лазурных искр и парализовав силовой каркас на три драгоценные секунды аварийной перезагрузки.

— Тревога! Нарушитель... кх-х!.. — захлебнулся в динамике штурмовик, кашляя от ядовитых паров, просочившихся через поврежденные фильтры.

Глеб уже был у створок. Бронированные жалюзи опустились на три четверти, оставляя снизу зазор в полметра. Парень скользнул под тяжелую металлическую кромку, рыбкой вылетая наружу, и вскочил на ноги на залитой неоновым светом посадочной платформе пересадочного узла.

За его спиной со скрежетом захлопнулись гермоворота филиала «Гелиос-Фарма».

[Внимание! Преодолено сопротивление патруля Корпорации]

* Получено скрытое достижение: **«Критическая уязвимость»**

* Эффект: Скорость анализа технологических дефектов экипировки противника увеличена на 5%.

* Статус преследования: **«Локальная тревога Сектора С-14 (Желтый код)»**

* До разворачивания дронов-ищеек: **11 минут 40 секунд.**

* **Время до коллапса ядра Леры: 38 часов 31 минута.**

— Одиннадцать минут, — Глеб сплюнул на рифленый настил металлический привкус озона и поправил капюшон куртки. — Значит, нужно уйти на дно раньше, чем эти консервные банки сообразят, что произошло.

Он не побежал к магистральным скоростным монорельсам, ведущим в уважаемые жилые блоки. Туда соваться было равносильно самоубийству: каждый турникет оснащен биометрическими сканерами и анализаторами крови. Вместо этого Глеб нырнул в узкий технический колодец с маркировкой «Дренаж сектора С-14 / Технический доступ запрещен».

Металлическая винтовая лестница уходила в крошечную тьму, откуда несло застарелой сыростью, машинным маслом, паленой синтетикой и сладковато-гнилостным духом органических отходов.

Нижний Пояс. Место, которое корпоративные буклеты стыдливо именовали «зоной вторичной переработки», а жители называли просто — Котел.

Здесь не было стерильного белого пластика, хромированных стоек и вышколенных провизоров в белоснежных халатах. Здесь жили те, у кого не хватало кредитов на официальную медицинскую страховку Консорциума, и те, чей генетический индекс падал ниже допустимого порога чистоты.

Здесь процветала совсем другая медицина. Черная. Кустарная. Та, которую местные напыщенно величали «Традиционной Алхимией Системы».

Глеб спустился на двести метров вниз, миновал три уровня полузатопленных переходов и вынырнул в широкий тоннель бывшего канализационного коллектора, переоборудованного под стихийный базар.

Под сводами из закопченного тубинга мерцали тусклые неоновые трубки и чадили факелы из промасленной ветоши. В воздухе висел такой плотный смог из испарений кислот, сушеной требухи мутантов и дешевого синтетического табака, что у непривычного человека за пару минут начался бы токсический отек легких. Но Глеб лишь глубже натянул респиратор, жадно вглядываясь в ряды прилавков.

Ему требовались ингредиенты.

Рецепт «Инверсионного фиала Квантового Рассвета» стоял перед глазами пылающими буквами:

[Инверсионный фиал Квантового Рассвета (Ранг: Ересь / Уровень качества: Идеальный)]

Ингредиенты для синтеза:

1. Мутировавшая медь коллектора (100% очистка) — *в наличии (требуется молекулярная перекристаллизация).*

2. Слезы химеры 3-й перегонки — *требуется поиск / анализ.*

3. Стабилизирующий изотоп сердечника «Цербера» — *требуется извлечение.*

Медь у него была — килограммовый слиток высоковольтной шины, вырезанный вчера из заброшенного трансформатора на нулевом горизонте. Медь в этом секторе подвергалась вековому воздействию радиоактивно-магических стоков и приобрела аномальную кристаллическую структуру, став идеальным проводником для квантово-эфирного резонанса. Но она была грязной. Чудовищно грязной.

А вот второй компонент... «Слезы химеры 3-й перегонки».

Название звучало как пафосный бред средневекового шарлатана. На Земле за подобную номенклатуру любого химика вышвырнули бы из лаборатории с волчьим билетом. Но здесь это был общепризнанный рыночный товар.

Глеб остановился перед самой крупной лавкой алхимического ряда. Над покосившимся навесом из ржавого профнастила висела вывеска из медных букв: **«Алхимическая лавка мастера Горра. Зелья исцеления, экстракты, катализаторы. Одобрено Гильдией Котла»**.

За прилавком, заставленным рядами пыльных колб, пузатых бутылей из зеленого аптечного стекла и глиняных горшков, сидел сам «мастер». Низкорослый коренастый мужик с всклокоченной седой бородой, в кожаном фартуке, насквозь пропитанном несмываемыми бурыми и желтыми пятнами. Руки Горра были покрыты шрамами от химических ожогов, а левый глаз заменял допотопный оптический окуляр с набором сменных линз на латунной оправе.

В углу лавки на открытом огне чадил закопченный медный алейбик. Из его изогнутого змеевика в мутную банку лениво капала серо-зеленая вязкая жижа, распространяя вокруг удушливый запах тухлых яиц и жженой кости.

Глеб поморщился. Физико-химическое чутье внутри него взвыло от ярости.

«Медный куб на открытом огне? Без термопары? Без инертной рубашки? Вы что, идиоты, кипятите органику при прямом температурном градиенте?!»

— Чего встал, парень? — прохрипел Горр, заметив его взгляд. Окуляр на его лице шелкнул, меняя увеличение. — Зелья нужны? Если от язвы коллектора — бери «Серную вытяжку», тридцать кредитов. Если на охоту собрался — есть «Кровь веппра», силу на два часа поднимает на пять пунктов. Правда, потом печень неделю болеть будет и зубы шатаются, но за сорок кредитов лучше не найдешь.

— Мне нужны Слезы химеры, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Глеб, подходя к прилавку. — Третьей перегонки.

Горр присвистнул, смерив Глеба подозрительным взглядом единственного живого глаза.

— Ишь ты, чего захотел. Слезы третьей очистки! Ты хоть знаешь, скольких трудов стоит их осадить? Тварь с нижних горизонтов надо забить, железы слезные вырезать, не повредив желчный пузырь, потом трое суток томить на углях лунного папоротника, трижды через костяной фильтр прогнать! Это тебе не пойло для наемников, это высший пилотаж! Сто пятьдесят кредитов за унцию. Ни кредитом меньше.

Глеб молча выложил на засаленный прилавок горсть медных жетонов и пару электронных чипов номиналом по пятьдесят кредитов — всё, что он успел скопить за три месяца каторжного труда на сортировке отходов. Почти всё его состояние.

Горр жадно сгреб деньги волосатой ручищей, пересчитал и полез под прилавок. Спустя полминуты он водрузил перед Глебом узкий фиал из темного граненого стекла, запечатанный комком оплывшего сургуча.

Внутри фиала плескалась густая, опалесцирующая жидкость грязно-сапфирового цвета. Она тускло светилась в полумраке лавки, испуская слабые синеватые искры.

— Вот она, гордость моей мастерской! — с благоговением в голосе произнес Горр, постукивая узловатым пальцем по стеклу. — Чистейший продукт! Лично перегонял! Степень усвоения Системой — величайшая, сам старейшина квартала такое зелье брал, когда ему хребет арматурой перебило. Девяносто процентов силы твари сохранено!

Глеб молча взял фиал. Стекло было холодным и липким от недомытого глицерина или жира.

«Активация диагностического контура, — мысленно скомандовал Глеб. — Развернуть глубокий масс-спектрометрический и квантово-резонансный анализ образца».

В его глазах вспыхнули золотые круги. Зрачки сузились до размеров булавочного укола. В поле зрения выплыло полупрозрачное системное окно интерфейса Фармацевта, распадаясь на десятки динамических графиков, молекулярных цепочек и процентных диаграмм.

Секунда. Две. Три.

По мере того как алгоритм считывал состав жидкости, лицо Глеба становилось всё более каменным, а брови медленно ползли вверх.

[Глубокий анализ состава: «Слезы химеры (Кустарный концентрат)»]

* Базовый класс по классификации Системы: **Алхимический полуфабрикат (Редкий)**

* Заявленное качество создателя: **«Мастерское (90% эффективности)»**

* **ИСТИННЫЙ ПРОФИЛЬ СОСТАВА.**

1. **Основное действующее вещество:** Нейрорезонансный пептид слезных желез мутировавшей химеры — **3.42%** *(Критическая денатурация! Более 78% пептидных связей разрушено термическим шоком).*

2. **Органический балласт и продукты пиролиза:** Денатурированный белок, продукты неполного сгорания костной ткани, обугленные триглицериды — **34.18%**.

3. **Тяжелые металлы и неорганические примеси:**

* Оксид меди (II) и ярь-медянка (вымывание из стенок куба) — **6.12%** *(Смертельно опасная доза при курсовом приеме!)*

* Сульфаты свинца и сурьма (из костяного фильтра) — **2.80%**

* Свободный коллоидный углерод (сажа) — **8.40%**

4. **Растворитель:** Недистиллированная вода из ливневого коллектора (высокое содержание кишечной палочки и спор черной плесени) — **45.08%**.

* **Квантовая энтропия раствора:** 84.6% (Критический хаос энергополей).

* **Истинная биодоступность:** **7.15%**.

* **Индекс токсической нагрузки на печень и мана-каналы:** **88/100 (Тяжелая интоксикация).**

****Потери полезного потенциала сырья:** 92.85%!***

Глеб застыл.

Он смотрел на системное окно, и в его душе боролись два чувства: профессиональное бешенство ученого и леденящий ужас от осознания того, чем пичкают людей в этом мире.

Три процента! ТРИ ПРОЦЕНТА АКТИВНОГО ВЕЩЕСТВА!

Все остальное — это ядовитый суп из солей меди, копоти, разрушенного белка и бактерий из сточной канавы! И этот бородатый мясник на голубом глазу заявляет о «девятинах процентах сохранения силы»?!

— Что застыл, парень? — самодовольно ухмыльнулся Горр, решив, что покупатель онемел от величия его творения. — Чувствуешь, как мана покалывает пальцы через стекло? Это сила! Настоящая алхимия древних! Мой дед по этому рецепту варил, отец варил, и я варить буду! Никакой химии, только чистое природное волшебство!

— «Мана покалывает»? — переспросил Глеб. Голос его прозвучал настолько глухо и ядовито, что Горр невольно отшатнулся, опустив руку под прилавок, где наверняка лежала увесистая дубинка. — Ты называешь покалыванием электролитическую диссоциацию ионов меди в растворе серной кислоты?

— Чего?.. Какая кислота, парень, ты бредишь? Там благодать предков!

Глеб медленно поставил фиал на прилавок. Его пальцы мелко подрагивали — не от страха, от дикой, клочущей злости.

— Благодать предков? — Глеб ткнул пальцем в мутное стекло. — Ты взял уникальный биополимер. Нейрорезонансный пептид химеры — сложнейшую белковую структуру с третичной спирализацией, способную связывать свободные кванты маны в стабильные кластеры. Уникальное сырье, стоящее сотни жизней! И что ты с ним сделал?

Горр выпучил единственный живой глаз, открывая и закрывая рот:

— Я... я его варил три дня...

— Ты его сварил! — рявкнул Глеб, и несколько бродяг у соседних лотков испуганно обернулись. — Ты грел нестабильный термолабильный белок на открытом костре при температуре выше ста пятидесяти градусов Цельсия! Ты разрушил все водородные связи! Твой драгоценный белок просто свернулся в бесполезный денатурированный холодец, как куриное яйцо в кипятке! Восемьдесят процентов активного вещества сгорело и превратилось в токсичный шлак в первые же двадцать минут твоей так называемой «варки»!

— Да ты... да как ты смеешь?! Я мастер третьей гильдейской ступени!

— Ты не мастер, ты дикарь с медной кастрюлей! — Глеб не мог остановиться. В нем говорил фармаколог с тридцатилетним стажем, человек, руководивший синтезом наносомальных вакцин на орбитальных станциях. — Из чего у тебя сделан змеевик? Из неочищенной меди? Ты хоть знаешь, что кислый экстракт желез при нагреве вымывает медь из стенок твоего допотопного аппарата? В этой склянке шесть процентов ярь-медянки! Это смертельный яд для почек!

Глеб наклонился вперед, сверля перепуганного алхимика бешеным взглядом:

— А твой «костяной фильтр»? Ты берешь пережженную кость, содержащую фосфаты и сульфаты свинца, и фильтруешь через нее горячий раствор! Зачем? Чтобы убрать муть?! Ты не убрал муть, ты загнал в раствор тяжелые металлы, которые через полгода вызовут у того, кто это выпьет, некроз мана-каналов и цирроз! А потом вы, шарлатаны, чешете затылки и говорите: «Ой, это откат маны, это воля Системы, боги прогневались!»! Это не воля Системы, идиот! Это банальное отравление свинцом и медью!

Горр побледнел. Его оптический окуляр панически жужжал, фокусируясь то на лице парня, то на фиале. Он не понимал половины слов — «пептиды», «денатурация», «водород-

ные связи», — но системный статус Глеба, на мгновение проявившийся в ауре угрожающим золотым вензелем Истинного Класса, давил на психику мастера почище дубины стражника.

— Ты... ты кто такой?.. — заикаясь, выдавил старик. — Ты из Научного Директората с Верхнего Яруса? Шпион Консорциума?

— Если бы я был из Консорциума, тебя бы уже утилизировали вместе с твоей помойной ямой за нарушение базовых санитарных норм, — отрезал Глеб.

Он выхватил с соседней полки еще две склянки.

«Малое Зелье Исцеления Плоти». Стандартный армейский паек Нижнего Пояса. Цена — двадцать кредитов.

Взгляд аналитического спектрометра:

[Анализ: «Малое Зелье Исцеления Плоти»]

* Активный компонент: Экстракт споровика кровавого — **1.2%**

* Растворитель: Дешевый метиловый дистиллят (спирт-сырец) — **38.0%**

* Балластные смолы: **22.5%**

* Вода: остальное.

* Эффективность регенерации: **+15 НР в течение 10 минут.**

* Побочный эффект: Частичная атрофия зрительного нерва (действие метанола), токсический гепатит.

«Зелье Концентрации Разума».

[Анализ: «Зелье Концентрации Разума»]

* Активный компонент: Сушеные листья дурмана эфирного — **0.8%**

* Психоактивные алкалоиды неизбирательного действия: **14.2%**

* Следы ртути: **0.15%**

* Эффект: Иллюзия прилива маны за счет паралича тормозных рецепторов ЦНС. Реальный прирост маны: **0.00%**.

* Разрушение нейронных связей: **Высокое**.

Глеб с глухим стуком вернул склянки на стол. Руки его сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

Это был не просто кризис. Это была катастрофа. Цивилизационный тупик.

Мир, обладающий невероятными, фантастическими ресурсами — мутировавшими тканями чудовищ, мана-кристаллами, способными исказить метрику пространства, растениями, синтезирующими сложнейшие полимерные структуры, — распоряжался всем этим богатством как стадо неандертальцев, нашедших упавший космический корабль и колющих микросхемами грецкие орехи.

Они варили зелья в чанах! Они перемешивали растворы деревянными лопатками! Они верили, что цвет и запах зависят от «фазы луны» и «расположения рун», в то время как вонючий зеленый цвет получался из-за банального окисления железа и выделения оксидов азота!

Девяносто два процента сырья выбрасывалось на помойку!

Из килограмма драгоценнейших желез химеры этот дурак Горр получал три миллилитра грязной жижи, в которой едва теплились жалкие остатки биомагического потенциала, и гордился этим, считая себя венцом творения!

«А корпорации? — внезапно обожгла Глеба мысль. — Что делает "Гелиос-Фарма"?»

Он вспомнил стерильную витрину наверху. Препарат «Нейро-Синтез Плюс». Десять тысяч кредитов за ампулу.

Их зелья были чище. Они использовали ультрацентрифуги и промышленные сорбционные колонны. Но концепция оставалась той же самой варварской средневековой парадигмой: «выварить побольше, отфильтровать муть, запечатать в красивый пластик». Консорциум просто довел средневековое невежество до промышленного масштаба, монополизировав рынок и продавая очищенный на 40% яд за миллионы кредитов!

Никто. Ни одна живая душа в этом чертовом мире не понимала квантовой кинетики растворов.

Никто не знал о хиральной чистоте молекул! О том, что левовращающий и правовращающий изомер одного и того же пептида могут иметь совершенно разный эффект: один спасает жизнь, а второй убивает клетку! Они пихали в склянки рацемические смеси, удивляясь, почему у половины пациентов начинается отторжение!

— Эй... парень... — тихо позвал Горр. В голосе старого алхимика больше не было спеси. Он выглядел раздавленным и напуганным. — Ты... если зелье не нравится... деньги забирай. Только не проклинай, слышишь? Я вижу, ты меченый. За тобой Сила стоит.

Глеб медленно выдохнул, заставляя бешеный пульс вернуться в норму.

Гнев — это непродуктивная трата глюкозы и кислорода. У него нет времени читать лекции по органической химии деревенским шаманам.

Таймер квеста безжалостно отсчитывал секунды:

[ВРЕМЯ ДО НЕОБРАТИМОГО КОЛЛАПСА: 38 ЧАСОВ 14 МИНУТ]

— Деньги оставь себе, — холодно произнес Глеб, забирая фиал со Слезами химеры. — И дай мне еще вот это, это... и ту грязную ступку из кварцевого стекла в углу.

— Кварцевую?... Да она ж расколота, я в ней серу толк!

— Заткнись и заверни. И еще: где в этом секторе можно найти автономный пост обслуживания охранных автоматов?

Горр заморгал:

— Так это... на минус четвертом горизонте, у вентиляционной шахты номер девять. Там ремонтный бокс «Гелиоса», туда сбитых или сбойных «Церберов» стаскивают перед отправкой на завод. Только там охрана... автоматические турели...

— Разберусь, — оборвал его Глеб, сгребая в брезентовую сумку разбитую кварцевую ступку, пару пустых стеклянных реторт сомнительной чистоты и кусок графитового электрода, валявшийся среди хлама.

Он развернулся и зашагал прочь от лавки, растворяясь в удушливом тумане базарного тоннеля.

Ему нужно было укрытие.

Полноценную лабораторию за тридцать восемь часов не построить. Но квантовому фармацевту не нужны титановые реакторы размером с дом, если он знает законы физики частиц и обладает системным интерфейсом манипуляции материей.

Глеб спустился еще на один ярус глубже, в зону заброшенных насосных станций, где эхо шагов тонуло в бесконечном гуле огромных ржавых труб. Здесь, в камерке дежурного инженера, запертой на ржавый амбарный замок (который сдался перед плазменным резаком за две секунды), было сухо, относительно чисто и, главное, тихо.

Он захлопнул тяжелую бронированную дверь, задвинул чугунный засов и щелкнул выключателем. Под потолком с мерцанием зажглась одинокая лампа накаливания, заливая пыльную комнатушку тусклым желтым светом.

Глеб сбросил сумку на шаткий металлический верстак.

На столе выстроились предметы:

1. Фиал с ядовитым супом Горра («Слезы химеры 3-й перегонки»).
2. Брусочек мутировавшей меди с коллектора.
3. Осколки кварцевой ступки.
4. Графитовый стержень.
5. Самодельный плазменный резак техника.

Глеб оперся руками о край верстака и опустил голову.

В глазах жгло от усталости, но мозг работал с кристальной, пугающей четкостью суперкомпьютера. Перед внутренним взором стояло бледное, угасающее лицо Леры в капсуле стабилизации. Сингулярность внутри ее ядра пульсировала в ритме агонии.

Обычные зелья этого мира не просто были бессильны — они бы добились ее за секунду. Если бы он влил в нее стандартный корпоративный эликсир за десять тысяч кредитов, его 60% балластных токсинов мгновенно разрушили бы ослабленный гематоэнцефалический барьер, вызвав необратимый отказ систем.

«И они называют это медициной... — Глеб криво усмехнулся, подняв голову. — Варвары. Дикари в неоновых перьях».

Он взял фиал с мутной синей жижей и поднес его к свету лампы.

Чтобы спасти сестру, ему нужен был эликсир чистоты 99.999%. Нулевой день. Нулевой допуск по примесям. Полная квантовая когерентность раствора.

По расчетам Системы, для создания «Инверсионного фиала Квантового Рассвета» требовалось:

— Очистить медь до уровня идеального моноизотопного кристалла без дислокаций решетки.

— Извлечь из этого помойного концентрата Горра чистый левовращающий нейропептид химеры, восстановить его разрушенные третичные связи и стабилизировать в растворе без применения токсичных консервантов.

— Добыть изотоп из живого ядра боевого «Цербера», не допустив его радиолитического распада.

Слезы химеры...

Глеб откупорил фиал. В нос ударила чудовищная вонь: смесь тухлой рыбы, аммиака и горелой меди.

— Три процента активного вещества, говоришь? — прошептал он, глядя на колышущуюся в фиале грязь. — Девяносто процентов потерь?

Его губы тронула холодная, безжалостная улыбка создателя, готового переписать законы этого мира.

— Что ж, мастер Горр. Смотри, как работает настоящая наука.

Глеб щелкнул тумблером резака, настраивая плазму на режим ультразвуковой вибрации для кавитационной очистки, и активировал интерфейс Истинного Класса.

Золотые руны сплелись в воздухе над верстаком, формируя первое в истории этого сектора окно расчета молекулярного фракционирования.

[Активирован режим: «Квантовая Лаборатория Разума»]

* Анализ сырья завершен.

* Разработка протокола экстракции...

* Расчетная эффективность стандартной алхимии: **7.15%**

* Прогнозируемая эффективность квантовой сепарации: **99.82%**

* **Внимание: Для завершения синтеза требуется катализатор изотопа «Цербер»!**

* Таймер: **37 часов 58 минут.**

Глеб погасил системное окно и засучил рукава.

Время средневековья подошло к концу. Начиналась эра фармацевтической сингулярности.

Глава 3. Первая дистилляция

Таймер Системы в правом верхнем углу сетчатки отсчитывал секунды с бездушной точностью метронома.

****[До необратимого некроза нейросети субъект-реципиента: 37 часов 54 минуты 12 секунд]****

Каждое мигание багровых цифр отдавалось в затылке Глеба тупой, тянущей болью. В этом теле физиологические ресурсы находились на критическом минимуме: обезвоживание, мышечное истощение второй степени, гипогликемия. Но нейроинтерфейс «Квантового Разума», распакованный в его сознании после слияния душ, работал на частотах, недоступных ни одному здешнему алхимику. Мир вокруг казался застывшим в мутной патоке, и лишь частицы пыли медленно кружились в узком луче тусклого масляного светильника, пробивавшегося сквозь паутину подвального окна.

Мастерская Горра представляла собой памятник невежеству. Под ногами хрустели черепки оплавленного кварца, на кривом деревянном верстаке вековыми слоями запеклись бурая сажа, застывший животный жир и токсичные соли мышьяка. Здешние «мастера» гордились интуицией, шептали заклинания над кипящими котлами и свято верили, что чистота эликсира зависит от фазы луны и благосклонности духов огня.

— Духи огня... — выдохнул Глеб, отбрасывая носком стоптанного башмака обломок чугунного тигля. — Обычная экзотермическая реакция с хаотическим теплообменом и локальным перегревом до деструкции углеродных цепочек. Идиоты.

Ему не нужен был хрустальный дворец гильдии с золочеными ретортами. Настоящая химия начиналась не с дорогого оборудования, а с понимания термодинамики, кинетики реакций и гидродинамики фазовых переходов.

Глеб замер посреди заваленного хламом угла, переведя зрение в спектральный режим.

****[Активирован навык: «Анализ материальной матрицы (Ранг 1)»]****

* Сканирование доступного сырья...

* Идентификация объектов:

1. *Трубы дренажные керамические (обожженная шамотная глина, пористость 14.2%, термостойкость до 1150 °C) — 4 шт.*

2. *Медный силовой кабель списанного мана-привода (окисление поверхностное, чистота жилы 88.4%, примеси свинца и сурьмы) — 3.2 метра.*

3. *Бутыли аптечные толстостенного зеленого стекла (щелочной силикат, микротрещины отсутствуют) — 3 шт.*

4. *Вулканический пемзовый шлак (фракция 5–15 мм, развитая удельная поверхность) — ~2 кг.*

5. *Смола сосны-иглобрюха (природный политерпен, температура плавления 78 °C, гидрофобная) — брусок 400 г.*

— Уже кое-что, — пробормотал Глеб. Его пальцы, тонкие и ободранные до крови о ржавые детали, действовали без малейшей дрожи.

Чтобы создать «Инверсионный фиал Квантового Рассвета», требовался высокоэнергетический растворитель. Экстракт огненной травы, продававшийся в лавках Нижнего Города под видом «Пламенного зелья ярости», был омерзительным суррогатом: мутная, пахнущая гарью суспензия с концентрацией активного вещества не более семи процентов, перегруженная смолами, тяжелыми пиролизными дегтями и свободными радикалами. Если ввести такую дрянь в раствор с поврежденным нейропептидом химеры, денатурация белка произойдет за доли секунды.

Ему нужен был абсолютный концентрат. Изолированный изомер огненного терпена с чистотой 99.9%. Для этого требовалась ректификационная колонна с высокой разделительной способностью — вещь, о существовании которой в этом мире не подозревал ни один верховный архимаг.

Глеб схватил с верстака плазменный резак. Старый артефакт низшего ранга едва держал заряд, но Глеб не собирался использовать его по прямому назначению. Выкрутив сопло и обнажив фокусирующий кристалл кварца, он замкнул два контакта медной проволокой, переведя контур из режима термической резки в режим модулированного высокочастотного разряда.

[Внимание: Модификация артефакта «Плазменный нож (Ранг E)»].

* Частота генератора повышена до 42.4 кГц (ультразвуковой диапазон).

* Расход энергии мана-кристалла: +340%.

* Текущий ресурс батареи: 48 минут.

— Хватит с запасом, — процедил он сквозь зубы.

Первым делом требовалось подготовить насадку для ректификационной колонны. В идеальных условиях лаборатории Земли он использовал бы спирально-призматическую насадку Левина из травленной нержавеющей стали. Здесь у него была только окисленная медь и кусок пемзы.

Глеб содрал с кабеля задубевшую плетеную изоляцию, обнажив тусклые медные жилы. Свинец и сурьма делали металл ядовитым для тонкой биохимии, поэтому медь нуждалась в мгновенной термоочистке. Направив жало модифицированного резака на пучок проволоки, Глеб дал короткий импульс. Высокочастотное пламя лизнуло металл. Под воздействием ультразвуковых колебаний поверхностный слой оксидов и легкоплавких примесей с сухим треском отшелушился серой пылью. Медь вспыхнула чистым, розоватым золотом.

Не теряя ни секунды, пока металл оставался пластичным после отжига, Глеб принялся нарезать проволоку на крошечные фрагменты длиной по пять миллиметров и скручивать их в микроскопические разомкнутые спирали — кольца Рашига кустарного производства. Пальцы сводило судорогой, заусенцы на меди впивались в подушечки, но поток данных перед глазами заглушал соматическую боль:

[Создание технологического элемента: Контактная насадка фазового обмена]

* Количество элементов: 420 шт.

* Эффективная площадь смачивания: $1.84 \text{ м}^2/\text{дм}^3$.

* Теоретическое число тарелок (NTS): 18 на 40 см высоты слоя.

В качестве корпуса колонны пошла самая ровная и плотная глиняная трубка диаметром около трех сантиметров. Глеб установил ее вертикально в тиски верстака. Внутри глиняные стенки были шершавыми, что грозило пристеночным стеканием флегмы и катастрофическим падением эффективности разделения.

Глеб взял кусок пемзы, растер его в тончайшую муку в чугунной ступке, смешал порошок с каплей жидкой сосновой смолы и нанес полученную пасту на внутреннюю поверхность трубки. Затем он провел внутри факелом плазменного резака. Органическая основа выгорела мгновенно, а силикаты пемзы под действием плазмы оплавилась, создав гладкую, словно зеркало, стекловидную глазурь.

— Пристеночный эффект ликвидирован, — прошептал Глеб, засыпая внутрь медные спирали и осторожно уплотняя слой легким постукиванием деревянной рукояти резака.

Снизу колонны он смонтировал перфорированную глиняную шайбу, удерживающую насадку, а сверху приладил дефлегматор — узел, который должен был возвращать часть сконденсированного пара обратно в колонну для орошения насадки. Ни один средневековый дистиллятор не знал принципа флегмового числа; они просто собирали пар, вылетающий из куба, получая в итоге грязную, богатую тяжелыми фракциями бурду.

Для создания охладителя Глеб использовал вторую, более широкую трубку, пропустив сквозь нее медную спираль, которую намотал прямо на черенок метлы. Стыки и соединения требовали абсолютной герметичности: пары терпенов огненной травы при контакте с воздухом при температуре выше 90 °С образовывали взрывоопасную смесь, способную разнести подвал вместе со спящим на втором этаже Горром.

Глеб замесил уплотнительную замазку: тонкий помол шамота, древесная зола и расплавленная смола с добавлением щепотки медных опилок для повышения теплопроводности в узлах смыкания.

[Активирован навык: «Квантовая Лаборатория Разума»]

* Создание замкнутой термодинамической системы.

* Расчет градиента давления: $P_{\text{раб}} = 1.02$ атм.

* Термическая стабильность контура: до 280 °С.

* Точность контроля отбора фракций: ± 0.05 мл/мин.

Через два часа непрерывной, лихорадочной работы на верстаке высылся аппарат, выглядевший для случайного наблюдателя как безумная химера из неолита и кибернетической эры. Темная, обожженная глина переплеталась со сверкающими медными линиями, зеленые стеклянные сосуды были соединены изогнутыми трубками, запечатанными темной смолой, а в основание перегонного куба Глеб интегрировал наконечник плазменного резака, закрепив его проволоочной стяжкой так, чтобы ультразвуковой излучатель прилегал непосредственно к донцу емкости.

Ультразвук был критически важен. В вязких алхимических растворах конвекционный теплообмен шел неравномерно, вызывая локальные перегревы («горячие пятна») и разрушение лабильных молекулярных связей. Ультразвуковая кавитация должна была создать в объеме жидкости миллионы микроскопических пузырьков, обеспечивая идеальное изотермическое кипение при строго заданной температуре.

Глеб вытер рукавом соленый пот, заливавший глаза, и подошел к мешку с сырьем, который Горр бросил у порога.

Огненная трава.

В пучках она выглядела зловеще: жесткие, мясистые стебли багрово-черного цвета, покрытые тонкими стекловидными шипами. Даже в мертвом, подсушенном виде растение слабо пульсировало остаточной теплотой. Если поднести к нему ладонь, воздух ощутимо нагревался, а в нос бил резкий запах озона, серы и горького миндаля.

Здесьние лекари использовали ее как аналептик для воинов перед боем: грубо измельчали, заливали дешевым зерновым спиртом, варили полчаса и спаивали наемникам. Воины впадали в безудержную ярость, их мышечные волокна наполнялись взрывной мощью, но спустя сутки половина из них падала замертво от остановки сердца и выгорания проводящих мана-каналов. Никто не понимал, что яд заключался не в самой траве, а в токсичных смолах и полифенолах, которые алхимики вываривали вместе с полезным алкалоидом.

Глеб взял пучок и бросил его в тяжелую ступку.

— Начнем с селективной мацерации, — сказал он тишине.

Обычный спирт не подходил: он вытянул бы хлорофилл, сахара и балластные белки. Глебу требовался неполярный растворитель. На полу под полкой стояла запыленная оплетенная бутылка с надписью «Горный эфир для чистки масляных ламп». Горр держал его для хозяйственных нужд, боясь даже нюхать летучую, легко воспламеняющуюся жидкость.

Глеб сбил сургучную печать. Нос уловил характерный, холодный запах очищенного петролейного диэтилового эфира. Не самого чистого, но для первичной экстракции вполне пригодного.

Он методично, размеренными движениями растер огненную траву в пасту, не допуская нагрева от трения. Каждый удар пестика сопровождался едва заметными вспышками микро-

скопических искр — так разрушались вакуоли, содержащие мана-активные соли. Как только масса превратилась в однородную темно-вишневую кашу, Глеб залил ее эфиром.

Жидкость в ступке мгновенно зашипела, пошла мелкими пузырями и окрасилась в глубокий, кроваво-красный цвет.

[Обнаружен термолабильный био-комплекс: «Огненный тритерпеноид-дельта»]

* Текущее состояние: связанная форма в органической матрице.

* Риск термической деградации: 94.2% при $T > 86\text{ }^{\circ}\text{C}$.

* Рекомендация Системы: экстракция при температуре 34–36 $^{\circ}\text{C}$ с постоянной кавитационной дезинтеграцией клеточных стенок.

Глеб перелил смесь в перегонный куб — зеленую стеклянную бутылку с толстым дном, укрепленным слоем шамотной глины. Вставил термопару — сделанную на коленке спайку из медной и железной проволоки, выведенную на аналоговую дугу интерфейса через мана-резонанс его собственного тела.

— Старт первого этапа, — скомандовал он себе.

Палец щелкнул тумблером питания. Резак тихо запел на ультразвуковой частоте.

Жидкость в кубе не закипела ключом, как это бывало на обычном костре. Повинуясь высокочастотным волнам, толща красного экстракта покрылась плотной сеткой микроскопических интерференционных полос. Вся масса одновременно пришла в движение: взвешенные микрочастицы клетчатки начали осаждаться на дно, отбрасываемые акустическим давлением, в то время как чистый раствор терпенов устремился к поверхности.

Температура медленно поползла вверх.

30 $^{\circ}\text{C}$... 32 $^{\circ}\text{C}$... 34.5 $^{\circ}\text{C}$...

Эфир начал испаряться. Его тяжелые, прозрачные пары потекли вверх по горловине бутылки, вошли в основание колонны и встретились с медной насадкой.

В этот момент началась магия настоящей термодинамики.

Достигая холодных металлических спиралей, пар отдавал тепло и конденсировался в тонкую жидкую пленку — флегму. Под действием силы тяжести флегма стекала вниз, навстречу новому потоку горячего пара. На поверхности каждой микроскопической медной спиральки развернулась война молекул: легкокипящие компоненты выбивались из жидкой фазы восходящим паром, а тяжелокипящие смолы и ядовитые примеси конденсировались и смывались обратно в куб.

Глеб неотрывно смотрел на контрольную дугу Системы.

[Процесс фракционирования запущен]

* Давление в кубе: 103.2 кПа.

* Температура в узле отбора: 34.8 $^{\circ}\text{C}$.

* Флегмовое число (R): ∞ (полный возврат флегмы, режим стабилизации колонны).

* Захлебывание колонны: отсутствует.

* Эффективность разделения: 89.4%.

— Колонна вышла на рабочий режим, — пробормотал Глеб. Его губы пересохли, во рту стоял металлический привкус перенапряжения. Контроль резонанса требовал ежесекундного расхода собственной ментальной энергии. Каждое колебание температуры отражалось в его висках острой пульсацией.

Двадцать минут колонна работала «на себя». Пар циркулировал внутри, непрерывно очищаясь и омывая насадку, пока в верхней точке не скопилась идеальная равновесная фаза легких эфиров.

Пора было начинать отбор головной фракции — ядовитой смеси альдегидов, метанола и свободных сульфидов.

Глеб осторожно повернул кустарный зажим из согнутой медной пластины, пережавший выходную резиновую трубку дефлегматора.

Кап.

Первая капля упала в подставленный черепок. Она была бесцветной, но от нее исходил такой едкий, удушливый запах тухлой резины и уксуса, что Глеб инстинктивно задержал дыхание.

Кап. Кап. Кап.

Со скоростью ровно две капли в секунду «головы» покидали систему. Семьдесят миллилитров чистейшего яда — именно эти соединения вызывали у местных берсерков слепоту и отек мозга. Горр с гордостью заявлял, что «настоящее зелье должно драть глотку, как коготь грифона». Варвары. Они просто травили людей древесным спиртом и окислами серы.

Спустя сорок минут капли перестали пахнуть уксусом. Температура на вершине колонны скачкообразно пошла вверх: 42 °С... 55 °С... 68 °С.

— Промежуточная фракция отошла, — Глеб сменил приемный сосуд, отставив ядовитые «головы» в сторону.

Наступил критический момент. Температура кипения чистого изомера «Огненного три-терпеноида» составляла ровно 81.4 °С при текущем барометрическом давлении. Если температура поднимется хотя бы до 83 °С, начнется термический крекинг — тяжелые смолы со дна куба прорвут температурный барьер и загрязнят дистиллят, сведя всю работу к нулю. Если опустится ниже 80.5 °С — активное вещество выпадет в кристаллический осадок прямо на медных спиральных и намертво закупорит колонну, что неизбежно приведет к взрыву стеклянного куба.

Окно допуска составляло всего полтора градуса.

Глеб положил обе ладони на основание колонны, замкнув контур собственной маной.

[Внимание: Прямая нейро-термическая связь.]

* Температура в дефлегматоре: 81.2 °С.

* Статус фракции: ОСНОВНОЕ ТЕЛО (Огненный тритерпеноид-дельта).

* Уровень чистоты входящего пара: 96.4%.

— Держись, глина, — выдохнул Глеб.

Глиняная трубка под его пальцами мелко дрожала от высокочастотного ультразвука. Через поры материала проступали микроскопические капельки смолы, шипевшие и обугливавшиеся на воздухе. Конструкция работала на пределе прочности. В месте стыка с холодильником замазка дала микротрещину, и тончайшая струйка белесого пара рванулась наружу.

Глеб не колеблясь прижал трещину голой ладонью.

Кожу обожгло нестерпимым, адским жаром. Запахло паленой плотью, болевой порог пробило мгновенно, перед глазами вспыхнула красная пелена. Но он не убрал руку ни на миллиметр. Силой воли, закаленной годами лабораторных катастроф и непреклонной решимостью вытащить сестру из лап смерти, он запечатал утечку собственной плотью и вязкой смолой, заставив систему замкнуться.

[Получен урон: 18 ед. термического ожога (2-я степень).]

* Концентрация сохранена: 99.1%.

* Стабильность давления: восстановлена.

В приемный сосуд — тонкостенную колбу из зеленого стекла, предварительно прокаленную и промытую чистым эфиром — упала первая капля «тела».

Она была не красной. И не мутной.

Она была абсолютно прозрачной, но обладала невероятным, рубиново-золотым внутренним свечением. Попадая в колбу, капля не смешивалась со стеклом — она собиралась в идеальную сферическую форму, удерживаемая колоссальным коэффициентом поверхностного натяжения, свойственным квантово-упорядоченным жидкостям. От нее не исходило ни капли дыма или копоти, только глубокое, мягкое инфракрасное тепло, заставившее воздух над горлышком колбы плавно вибрировать, создавая оптический эффект микроскопического миража.

Кап.

Кап.

Кап.

Струя сконденсированного флегмой пара потекла тонким, непрерывным ручейком толщиной в паутинку.

Глеб не отрывал взгляда от колбы. Перед его внутренним взором разворачивалась молекулярная структура вещества. В хаосе природного экстракта огненная трава представляла собой спутанный клубок изомеров — правовращающих, левовращающих, цис- и транс-форм, взаимно гасящих потенциал друг друга. Сейчас же, проходя сквозь лабиринт сотен теоретических тарелок кустарной колонны под действием ультразвукового расслоения, молекулы выстраивались в единую, строго ориентированную кристаллическую решетку жидкой фазы.

Все паразитные связи были разорваны. Все окислительные радикалы ушли в утиль.

Капли наполняли сосуд медленно, мучительно. Каждые пять миллилитров стоили Глебу колоссального напряжения сил. Плазменный резак начинал хрипеть — заряд мана-кристалла таял на глазах.

Остаток энергии кристалла: 12%... 8%... 3%...

— Еще немного, — сквозь зубы рычал Глеб, чувствуя, как обугленная ладонь немеет, теряя чувствительность. — Давай!

Резак издал жалобный писк и с сухим щелчком погас. Плазменная дуга исчезла. Ультразвуковая вибрация прекратилась, и тишина подвала мгновенно обрушилась на барабанные перепонки, прерываемая лишь тяжелым, хриплым дыханием алхимика.

Но процесс был завершен.

Остаточного тепла в шамотной рубашке куба хватило, чтобы последние капли тяжелых фракций не успели подняться вверх, оставшись черной, дегтеобразной жижей на дне бутыли.

На дне приемной колбы плескалось ровно пятьдесят миллилитров сияющей, багряно-золотой субстанции. Жидкость внутри колбы казалась живой: она медленно вращалась по часовой стрелке сама по себе, повинаясь квантовому спину неспаренных электронов, образуя у стенок идеальный вогнутый мениск.

Глеб дрожащей, обожженной рукой поднес колбу на уровень глаз.

Перед его взором вспыхнул целый каскад золотых и лазерных системных уведомлений, заливая подвал призрачным светом интерфейса:

[Анализ субстанции завершен!]

* **Наименование:** «Истинный Терпен Первозданного Пламени (Изомер D-Альфа)».

* **Класс чистоты:** Фармацевтический (Абсолют).

* **Химическая чистота:** **99.914%**

* **Балластные примеси:** 0.086% (следовые инертные силикаты).

* **Токсичность:** 0.00% (смертельные алкалоиды и пиролизные смолы полностью устранены).

* **Биологическая совместимость:** 99.8%.

* **Квантовая когерентность раствора:** 94.2%.

[Внимание! Зафиксирован технологический прорыв!]

* Вы создали вещество чистоты, превышающей пределы текущей эпохи (Ранг мира: Раннее Алхимическое Средневековье).

* Эффективность экстракции активного начала увеличена в **13.8 раза** по сравнению с каноническим рецептом Гильдии.

[Получены системные награды:]

* Открыто уникальное пассивное умение: **«Молекулярный Глазомер (Ранг 1)»** — *позволяет без приборов определять чистоту растворов с точностью до 0.1%.*

* Открыт титул: **«Еретик Чистого Вещества»** — *бонус к скорости сборки нестандартных лабораторных установок +25%. Сопротивление догматам магии +15%.*

* Опыт алхимии: **+4 500 ед.**

* Ваш класс **[Ученик Алхимика]** насильственно деконструирован Системой.

* Присвоен скрытый класс: **«Квантовый Фармацевт (Фаза Инициации)»**!

Глеб опустил колбу на верстак, аккуратно запечатав ее притертой стеклянной пробкой, предварительно смазанной тончайшим слоем чистого парафина.

В подвале стояла первобытная тишина. Боль в обожженной ладони пульсировала монотонно и тупо, но на лице Глеба не было ни тени страдания. Напротив — его тонкие губы искривились в холодной, торжествующей усмешке.

Один компонент был готов. Базовый растворитель — идеальная термодинамическая матрица, способная удерживать сверхнестабильные квантовые структуры без риска их распада — стоял перед ним. Чистота 99.9%. Для этого мира цифра звучала как бред сумасшедшего, как сказка о богах. Здесь зелье чистотой в шестьдесят процентов считалось «творением мастера», а семидесятипроцентные эликсиры архимагов берегли в сокровищницах императоров, не понимая, что треть объема их «божественных напитков» составляла заурядная клеточная грязь, теля.-مرفмедленно разрушавшая почки и печень

Глеб перевел взгляд на второй флакон, стоявший на краю стола.

Тот самый фиал, полученный от Горра. Мутная, гнилостно-синяя слизь. Слезы химеры.

В них спал левовращающий нейропептид — ключ к регенерации разрушенных синапсов его сестры. В этой мерзкой суспензии активная молекула была заблокирована токсичными консервантами, свернута в неправильные клубки и денатурирована на семьдесят процентов. Здешние алхимики не умели очищать белок, не уничтожив его. Они просто не знали, что такое третичная структура молекулы, изоэлектрическая точка и гидрофобный карман.

— Теперь твой черед, чудовище, — тихо произнес Глеб, беря в здоровую руку пинцет и скальпель.

Таймер на сетчатке бесстрастно мигнул:

[До необратимого некроза нейросети субъект-реципиента: 34 часа 11 минут 04 секунды]

У него оставалось меньше полутора суток. Следующим этапом была жидкостная колонная хроматография низкого давления и электрофорез на импровизированном агарозном геле, который ему еще предстояло сварить из морских водорослей из кладовой Горра.

А затем — охота за изотопом боевого «Цербера». Самая опасная, кровавая часть уравнения, где законы чистой науки должны были столкнуться со сталью и порохом механических псов городской стражи.

Глеб натянул на обожженную руку чистую холщовую тряпку, смоченную свежим спиртом, закусил зубами край бинта и резко затянул узел. Ни одного стога не сорвалось с его губ.

Аппарат остывал, тихо потрескивая глиняными боками. Начиналась фаза тонкого биомолекулярного синтеза.

Глава 4. Каскадный резонанс

Воздух в подвале старого Горра остывал медленно, с неохотой отдавая накопленный жар оклизлым каменным стенам. Запах дегтя, пережженного сахара и скисшей браги — вечный аромат трущобной алхимии — сейчас вытеснялся чем-то неестественным, пугающе стерильным. Так пахнет гроза над ледником. Так пахнет озон в гермоблоке биохимического реактора шестого поколения.

Глеб стоял над верстаком, опустив перевязанную холстом кисть в глиняную плошку с ледяным солевым раствором. Ткань мгновенно потемнела от выступающей сукровицы, но холод тупил ноющую боль, загоняя ее в дальний угол сознания, туда, где она не могла помешать расчетам.

Перед ним стояла колба.

Жидкость внутри не имела цвета. Она не отражала свет двух чадающих сальных свечей, а словно впитывала его, преломляя под неестественными углами. Сверхчистая динамическая матрица. Растворитель нулевого уровня энтропии.

В глазах здешних ремесленников это была невозможная химера. Вода, очищенная до 99.999% методом ступенчатой мембранной фильтрации и термической возгонки в отрицательном давлении, лишенная солей жесткости, органического мусора и, главное, флуктуаций хаотической маны, которой было отравлено все местное сырье. Для системы этого мира чистая материя являлась фундаментальной аномалией.

Глеб моргнул. В левом верхнем углу обзора пульсировали жесткие алые строки:

[Внимание: субъект-реципиент (Ирина Коршунова) находится в состоянии терминального коллапса нейросети]

[Стабильность ядерных оболочек аксонов: 11.4%]

[До необратимого некроза нейросети субъект-реципиента: 34 часа 08 минут 19 секунд]

Меньше тридцати пяти часов. Чтобы добраться до депо городской стражи и вырезать из туши бронированного автомата боевой изотоп, ему нужно было физическое тело, способное выдержать отдачу, перегрузки и удар клинка.

Текущее тело Глеба — тщедушный, вечно недоедающий юноша-поденщик по имени Илай, чьи легкие были наполовину забиты угольной пылью, а суставы скрипели от дефицита кальция — не годилось даже на роль балласта.

[Характеристики носителя:]

[Класс: Не определен]

[Уровень: 1]

[Сила: 6]

[Ловкость: 7]

[Выносливость: 5]

[Интеллект: 19]

[Восприятие: 16]

[Запас здоровья: 75/85 (Штраф: ожог II степени, истощение)]

[Запас выносливости: 22/50]

Шесть единиц силы. Стандартный показатель портового грузчика колебался в районе двадцати пяти. Удар сержанта стражи с характеристикой под тридцать пять дробил человеческий череп сквозь железный шлем. Выйти с шестью единицами силы против механических псов или даже местных вымогателей означало гарантированное самоубийство в первые четыре секунды контакта.

Глеб отодвинул чашу с водой и вытащил из ящика Горра плоский пучок сухих багровых водорослей — морского лишайника, который старик использовал как дешевое загущающее средство для мазей от геморроя.

— Галактоза и 3,6-ангидрогалактоза, — прошептал Глеб пересохшими губами. Голос звучал сухо, как шуршание наждачной бумаги. — Базовый полисахарид агарозы.

Он разломал сухие водоросли в каменной ступке, добавил щепотку едкой щелочи, выпаренной из древесной золы, и залил кипящей матрицей. Растительные волокна мгновенно побелели, набухая и отдавая чистый гель. Никакой магии. Обычное фракционирование клеточной стенки.

Пока гель остывал в прямоугольной деревянной форме, образуя полупрозрачный студенистый блок, Глеб достал второй образец.

Флакон с гнилостно-синей слизью. «Слезы химеры».

Местные лекари считали эту дрянь смертоносным ядом, от которого кровь сворачивалась в черные творожистые сгустки. Они пытались варить ее с медом и серебряной стружкой, получая мерзкую жижу, дававшую жалкие +10% к мышечной силе на пару минут — ценой отказа печени через полгода и страшных судорог. Они не понимали, что действующее вещество в этой слизи — не яд, а сверхплотный, искусственно синтезированный пептидный катализатор. Природный допинг чудовища, свернутый в клубок токсичными липидными оболочками.

— Они кипятили белок, — тихо, со злой усмешкой бросил Глеб в пустоту подвала. — Варвары. Они просто варили третичную структуру в кипятке, удивляясь, почему она распадается на ядовитый денатурат.

Он установил импровизированную электрофорезную камеру: деревянный лоток, две медные пластины, снятые со старого чайника Горра, и примитивный гальванический элемент из цинковых пластин и кислоты, который он собрал полчаса назад.

Гель лег между электродами. Глеб тончайшим стеклянным капилляром отобрал микролитр синей слизи, смешал ее с каплей глицерина для плотности и нанес в стартовую лунку.

Замкнул цепь.

Раствор слабо зашипел. Запахло кислым цинком.

Под действием электрического поля заряженные белковые молекулы тронулись в путь сквозь пористую сеть агарозного геля. Токсичные тяжелые фракции застряли на первых миллиметрах, собираясь в грязно-бурую полосу. Липидный балласт остался в лунке. А вперед, обгоняя весь мусор, устремилась тончайшая, светящаяся призрачным аквамариновым светом полоска.

Чистый нейропептид. Молекулярная масса: сорок две тысячи дальтон. Абсолютно гомогенная фракция.

Глеб аккуратно, скальпелем с тонким самодельным лезвием, вырезал кусок геля со светящейся полосой. Бросил в стеклянную воронку, заполненную промытым речным песком мелкой фракции, и пролил через него пять миллилитров сверхчистой матрицы.

Песок задержал агарозу. В маленькую стеклянную пробирку закапала жидкость.

Она не была синей. Она была пронзительно-голубой, флуоресцирующей внутренним холодным светом — квантовый выход люминесценции зашкаливал из-за полного отсутствия гасителей в виде ионов железа и серы.

Воздух над верстаком задрожал. Реальность вокруг пробирки словно натянулась, как мыльная пленка перед разрывом.

Перед глазами Глеба интерфейс Системы захлебнулся серией яростных предупреждений:

[Внимание! Обнаружена несанкционированная реконфигурация органической материи]

[Сканирование объекта...]

[Ошибка десериализации формулы: структура «Малое зелье ярости» не найдена]

[Отсутствуют стандартные маркеры денатурации: гидролиз 0%]

[Отсутствуют токсичные соли тяжелых металлов: чистота основы 99.94%]

[Калибровка параметров по шкале Великого Реестра...]

[Внимание: обнаружен эффект квантового туннелирования протонов в активном центре фермента!]

Строки интерфейса сменили цвет с тускло-синего на слепящий золотисто-багровый, дрожа от системного сбоя:

[Создан уникальный алхимический состав!]

[Наименование (временное): Эликсир Каскадного Миорезонанса (Прототип-01)]

[Тип: Биогенный стимулятор предельного класса]

[Качество: Абсолютное (99.94%)]

[Базовый эффект: Мгновенное снятие лимитов кальциевых каналов саркоплазматического ретикулума. Ресинтез аденозинтрифосфата (АТФ) увеличен на 1200%. Полная блокировка выработки молочной кислоты.]

[Модификаторы характеристик:]

— Сила: +400% от текущего значения (с последующей прогрессивной шкалой от базовой массы)

— Скорость проведения нервного импульса: +250%

— Сопротивление физическому дробящему урону: +60% (за счет экстремального тонуса мышечного корсета)

[Длительность действия: 180 секунд]

[Побочные эффекты: Локальная гипертермия до 41.2°C, повышенный расход гликогена печени. Токсичность: 0.01% (накопительный некроз тканей отсутствует)]

[Примечание Системы: Данный состав противоречит известным законам алхимической термодинамики Третьего Круга. Зарегистрирована попытка локального взлома энтропийного баланса.]

Четыреста процентов.

Вместо жалких десяти процентов местной грязи, которая сажала сердце и вызывала рвоту кровью, чистая несвернутая молекула превращала человеческие мышцы в биологические гидравлические прессы. Три минуты абсолютной физической сингулярности. Без яда. Без системного отката.

Глеб осторожно запаял кончик ампулы на спиртовке, спрятал ее во внутренний карман ветхой холщовой куртки и перевел дыхание.

Пептид для Ирины был готов к финальной фазе сборки. Но для него требовался изотоп. А чтобы взять изотоп, нужно было выйти на улицу.

И в этот момент деревянный потолок над его головой содрогнулся.

Сверху, из торговой лавки Горра, донесся сухой, трескучий звук выбитой двери. Следом за ним — звон разбитого аптекарского стекла, грохот опрокинутых стеллажей и визгливый, полный животного ужаса вскрик старика.

— Где он, старая ты падаль?! Где этот щенок, которого ты прячешь?!

Голос был хриплым, прокуренным, с характерным булькающим присвистом — признаком дешевых дыхательных имплантов или запущенной формы болотной гнили.

Глеб не шелохнулся. Его пальцы, только что державшие тончайший скальпель, замерли. Взгляд метнулся к таймеру:

[До необратимого некроза: 33 часа 59 минут 12 секунд]

Каждая секунда стоила жизни его сестры. Каждая секунда была на вес золота. А эти паразиты пришли воровать его время.

Сверху раздался глухой удар — тяжелый кованный сапог врезался во что-то мягкое. Горр захрипел, по полу потащили тяжелое тело.

— Варгас... клянусь Святым Горном, нет у меня золота! — скулил старик, захлебываясь слюной и кровью. — Все ушло... налоги цеху... закупки...

— Заткнись, гнида! Нам плевать на твои медные гроши. Ты закупал очищенную селитру и серный концентрат на Нижнем Рынке три дня назад. Кто платил? Откуда у нищего аптекаря серебро маркировки Западного арсенала? Кто у тебя внизу коптит? Говори, или я скормлю твои пальцы крысам!

Шаги. Тяжелые, неторопливые, уверенные в своей безнаказанности. Три человека. Нет, четверо.

Один остался у выхода на улицу — шуршание кожи и мерный стук наконечника арбалетного болта о перила. Трое наверху. Один из них — явно модифицированный или развитый по классу бойца: скрип перегруженных половых досок под весом не менее ста двадцати килограммов.

Глеб бесшумно убрал со стола пробирки с матрицей, сдвинув их в темную нишу за кирпичной кладкой дымохода.

Подвальная лестница заскрипела.

В проеме показались сапоги из грубой кожи ящера, подбитые железными скобами. Затем — широкие штаны из засаленной парусины, массивный кожаный колет с приклепанными стальными полосами и, наконец, физиономия.

Широкая, сплюснутая челюсть, перебитый нос и тусклый, мутный взгляд серых поросых глаз. В правой руке вошедший держал короткий тесак-мясницкий секач, тускло блестящий зазубренным лезвием.

[Опознание цели:]

[Имя: Брут «Мясник»]

[Класс: Голоборез трущоб]

[Уровень: 8]

[Сила: 21]

[Ловкость: 12]

[Выносливость: 18]

[Запас здоровья: 240/240]

[Навыки: «Тяжелый замах», «Болевой порог»]

Следом за ним на узкую лестницу ввалился второй — тощий, вертлявый, с длинным кинжалом-стилетом в левой руке и цепочкой железных шипастых шариков в правой.

[Имя: Смык]

[Класс: Карманник-налётчик]

[Уровень: 6]

[Ловкость: 22]

[Сила: 11]

[Запас здоровья: 130/130]

А за ними спускался тот, чей вес заставлял стонать дубовые ступени.

Человек-гора. Шея шире головы, плечи бугрятся под пластинчатым доспехом городской работы, на поясе — тяжелый клевец с четырехгранным шипом. Но главное — правая рука. От локтя до кисти плоть была заменена грубой магомеханической конструкцией из вороненой бронзы и поршней, шипящих стравливаемым паром при каждом движении.

[Опознание цели:]

[Имя: Варгас Железозуб]

[Класс: Ветеран штрафных рот / Бригадир «Ржавых Псов»]

[Уровень: 12]

[Сила: 34 (С учетом протеза: 42)]

[Ловкость: 14]

[Выносливость: 28]

[Запас здоровья: 480/480]

[Навыки: «Железный захват», «Сокрушающий удар», «Пассивная регенерация плоти ур. 2»]

Варгас остановился на третьей снизу ступеньке, пригнув голову, чтобы не сшибить закопченную притолоку. Его единственный живой глаз — второй был заменен мутной стекляшкой с кривой руной ночного зрения — уставился на Глеба.

В подвале повисла тишина. Слышно было только, как в углу равномерно капает вода из конденсатора: кап... кап... кап...

— Гляди-ка, Брут, — осклабился гигант, обнажая зубы, среди которых тускло желтели железные штифты. — Горр не врал. У него тут завелась мышь. Тощая, ободранная мышь.

Брут сплюнул на каменный пол прямо перед сапогами Глеба.

— Слышь, обрубок. Руки на верстак, морду в пол. Вякнешь — выпущу кишки и заставлю сожрать. Где армейское серебро? Где рецепт очистки?

Глеб не пошевелился. Он стоял у верстака, держа обожженную руку прижатой к животу. Пальцы левой руки незаметно скользнули в карман, нащупывая холодное стекло ампулы с [Эликсиром Каскадного Миорезонанса].

— У вас системная ошибка в расчетах, — спокойно произнес Глеб. Его голос не дрожал. В нем не было ни страха, ни вызова — только холодная констатация факта, словно он зачитывал протокол вскрытия.

Бандиты переглянулись. Смык прыснул, оскалив гнилые резцы:

— Чего он вякнул? Ошибка? Варгас, эта крыса нас учить вздумала!

— Ты тратишь мое время, — продолжил Глеб, глядя прямо в единственный глаз Варгаса. — Мое время стоит дороже, чем весь ваш квартал вместе с вашими жизнями, костями и требухой. Развернитесь и уходите. Во второй раз предупреждать не буду.

На секунду в подвале стало так тихо, что слышно стало шипение пара в бронзовом локте главаря.

Лицо Варгаса медленно налилось багровой кровью. Вены на висках вздулись, превращаясь в толстые фиолетовые черви. Штрафник, выживший в мясорубках пограничных войн и державший в страхе три квартала трущоб, не привык, чтобы полумертвые мальчишки разговаривали с ним тоном университетского профессора, отчитывающего нерадивых студентов.

— Сломай ему пальцы, — тихо, с клокочущей яростью бросил Варгас Бруту. — По одному. Начиная с обожженной руки. Потом выбей зубы. Он заговорит.

Брут осклабился. Сделал широкий шаг вперед, поднимая тяжелый мясницкий секач тыльной стороной — профессиональный замах, рассчитанный на то, чтобы раздробить лучевую кость без смертельного кровотечения.

[Брут применяет навык: «Тяжелый замах»]

[Прогнозируемый урон: 45-60 единиц]

[Вероятность летального исхода для носителя: 82%]

Время для дипломатии не просто истекло — его никогда не существовало.

Глеб выдернул левую руку из кармана. Стекло ампулы хрустнуло под давлением ногтя, ломаясь по заранее нанесенной микронасечке. Он запрокинул голову и выплеснул пять миллилитров флуоресцирующей голубой жидкости прямо под язык — в зону максимальной васкуляризации подъязычных вен.

Сублингвальное введение. Всасывание — три секунды. Минуя печеночный барьер.

Брут даже не понял, что произошло. Его секач уже летел по дуге, рассекая спертый воздух подвала.

— Сдохни, ще...

Глеб закрыл глаза.

Это не было похоже на тепло. Это был ядерный удар на клеточном уровне.

Словно в каждую миофибриллу, в каждую цепочку актина и миозина залили жидкое солнце. Волна электрического потенциала такой чудовищной плотности ударила по двигательным нейронам, что в ушах Глеба раздался оглушительный звон разрываемой тишины.

[Активация: Эликсир Каскадного Миорезонанса!]

[Снятие физиологических ингибиторов мышечного сокращения: 100%]

[Синтез АТФ: сверхкритический режим]

[Сила: 6 -> 30 единиц!]

[Скорость нервной проводимости: 140 м/с (норма: 40 м/с)]

[Таймер действия: 179... 178...]

Мир вокруг замедлился.

Капли воды, падающие с потолка, застыли в воздухе прозрачными стеклянными шариками. Секач Брута двигался сквозь пространство с вязкой, ленивой плавностью, словно рассекал густой прозрачный мед. Глеб отчетливо видел частицы ржавчины на сколе лезвия. Видел отдельные поры на потном, искаженном предвкушением насилия лице бандита. Видел микро-трещины в деревянной рукояти.

Шесть единиц силы — это тело замученного подростка.

Тридцать единиц силы при скорости реакции в два с половиной раза выше нормы — это гидравлический пресс в человеческой оболочке.

Глеб не стал уклоняться. Он просто шагнул навстречу удару.

Его левая рука — здоровая, тонкая, с выступающими костяшками — взметнулась навстречу опускающемуся лезвию. Но не под клинок.

Она ударила в боковую плоскость секача. Открытой ладонью.

ХРУСЬ-ДЗЫНЬ.

Звук был такой, будто кузнечный молот на полном ходу встретил чугунную наковальню. Стальное лезвие толщиной в четыре миллиметра не просто отлетело в сторону — оно лопнуло пополам. Ударная волна прошла по металлу, передалась на кисть Брута и мгновенно, без сопротивления, вывернула лучезапястный сустав наружу. Белая, острая кость с влажным хрустом пробила кожу, взрезая сухожилия.

Глаза Брута только начали расширяться в осознании шока, а Глеб уже завершил движение.

Законы биомеханики просты. Масса, умноженная на ускорение. Рычаг второго рода.

Глеб провернулся на опорной пятке, вкладывая весь вес своего сорокавосемькилограммового тела в короткий, идеально выверенный удар правым локтем — обожженная рука была прижата к груди, образуя жесткий треугольник жесткости. Точка приложения: нижняя треть грудины, мечевидный отросток. Прямая проекция на основание сердца.

БУХ.

Звук получился глухим, влажным, страшным.

Грудная клетка Брута прогнулась внутрь на пять сантиметров. Ткань стеганого колета лопнула по швам, словно перезрелый арбуз. Сто сорок килограммов живого веса громилы оторвались от каменного пола и, преодолевая земное притяжение, полетели назад, сметая стоящего на лестнице Смыка.

Оба тела с диким грохотом врезались в дубовые ступени, превращая их в щепки.

[Нанесен критический урон: 310 единиц (Дробящий удар + гидростатический шок)]

[Цель «Брут» получает статус: «Остановка сердца», «Множественные переломы ребер», «Пневмоторакс»]

[Цель нейтрализована]

[Получен опыт: 180 ед.]

Смык, придавленный хрипящей, булькающей тушей напарника, завизжал. Тонко, по-бабы, захлебываясь ужасом. Его лицо было залито кровью Брута, хлещущей толчками из разорванного горла.

Варгас среагировал мгновенно. Военный опыт штрафника взял верх над оцепенением. Он не стал разбираться, как сопливый щенок одним ударом сломал хребет его лучшему бойцу.

— Тварь! — взревел гигант.

Клапаны на его бронзовом протезе с шипением выплюнули струю перегретого белого пара. Поршни сжались с металлическим лязгом.

[Варгас применяет навык: «Сокрушающий удар»]

[Активация артефактного узла: паровой компрессор «Громила-IV»]

[Физическая сила атаки: 48 единиц!]

Он шагнул вниз, прямо по телам своих стонущих подручных, и его правая рука — чудовищный кусок вороненого железа с пальцами-клешнями — обрушилась сверху вниз, целясь Глебу в череп. Этот удар раскалывал гранитные дорожные тумбы. От него нельзя было защититься деревянным щитом или уклониться в тесном подвале.

Глеб поднял глаза. Его зрачки были расширены до краев радужки — норадреналиновый шквал выжигал зрительные рецепторы, но давал кристальную, абсолютную четкость восприятия.

Он видел вектор атаки. Видел, как дрожит бронзовая направляющая парового поршня. Дешевая отливка. Вторичная бронза с избытком олова. Микротрещина возле крепежного болта золотникового клапана.

Таймер: 154 секунды.

Глеб не отступил назад. Он сделал полшага вперед и влево — в мертвую зону замаха, под самый паровой локоть гиганта.

Кулак Варгаса пронесся в миллиметре от плеча Глеба и с чудовищной силой врезался в угол верстака. Вековой дубовый брус толщиной в четверть метра взорвался градом щепок. Каменные плиты пола под верстаком пошли радиальными трещинами.

В этот кратчайший миг, когда протез застрял в расщепленном дереве, а поршень находился в нижней мертвой точке, Глеб атаковал.

Не силой против силы. Это была глупость. Сорок восемь единиц артефактной мощи согнут его тридцать единиц биологической силы.

Но сопромат и кинематика не знают пощады к криворуким механикам.

Пальцы левой руки Глеба сложились в «клюв» — жесткую клиновидную структуру. Он нанес точечный удар не в броню, а в шток сброса давления. Маленький медный штырек диаметром в шесть миллиметров.

ЩЁЛК.

Шток срезало, как спичку.

Перегретый пар под давлением в двенадцать атмосфер не нашел выхода через рабочий канал и рванул прямо в распределительную камеру. Бронзовый корпус протеза вздулся и лопнул с оглушительным свистом, разбрызгивая кипящее масло и осколки шестерен.

— А-А-А-А-АРХ! — взвыл Варгас. Кипяток и осколки впились ему в живое плечо, ошпаривая лицо. Механическая рука повисла бесполезным, чадающим куском металлолома.

Но штрафник был псом войны. Теряя руку, он выбросил вперед левую — живую, сжимавшую тяжелый клевец. Кованный стальной клюв неся прямо в висок Глеба.

Глеб перехватил запястье Варгаса.

Простая человеческая ладонь сомкнулась на волосатой, толстой руке профессионального убийцы.

Варгас дернул руку назад, рассчитывая оторвать нагледу пальцы. Но его рука не сдвинулась ни на миллиметр.

Она словно попала в стальной гидравлический захват. Кости предплечья под кожей застонали, сжимаясь. Пять пальцев Глеба, налитые чудовищной энергией каскадного миорезонанса, вдавливались в мышцы бандита, прорывая фасции, сминая лучевую и локтевую кости навстречу друг другу.

Глаза гиганта полезли из орбит. Металлический штифт на зубах с мерзким скрежетом раскололся от запредельного спазма челюстей.

— Что... ты... такое?.. — прохрипел он, пытаясь достать Глеба коленом.

Глеб посмотрел ему в глаза. Взгляд исследователя, наблюдающего за реакцией разложения органического образца в концентрированной серной кислоте.

— Я — фармацевт, — спокойно ответил Глеб. — А ты — биологический отход.

Резкое вращательное движение кисти против часовой стрелки с одновременным шагом внутрь стойки противника.

КРАК.

Локтевой сустав Варгаса вывернулся наружу, порвав суставную сумку. Клевец выпал из безжизненных пальцев, звякнув о камни.

Не давая гиганту упасть, Глеб перехватил его за ворот пластинчатого доспеха, подтянул его двадцатикилограммовую тушу к себе и нанес короткий, акцентированный апперкот снизу вверх — точно в точку сочленения нижней челюсти и височной кости.

Удар тридцати единиц силы, помноженный на идеальный вектор приложения.

Раздался сухой щелчок, похожий на выстрел из мелкокалиберной винтовки. Челюсть Варгаса сдвинулась на три сантиметра в сторону. Осколки зубов и железных штифтов брызнули веером. Мозг ветерана внутри черепной коробки испытал ударную перегрузку, равную падению с третьего этажа на брусчатку.

Тело гиганта обмякло, превратившись в мешок с сырым мясом, и рухнуло на ступени, окончательно погребая под собой воющего Смыка.

[Нанесен критический урон: 420 единиц!]

[Цель «Варгас Железнодорожник» получает статус: «Глубокая кома», «Черепно-мозговая травма тяжелой степени», «Разрушение суставов конечностей»]

[Бой завершен!]

[Получен опыт: 450 ед.]

[Внимание! Накоплено достаточно опыта для повышения уровня!]

[Ваш уровень повышен: 1 -> 3!]

[Получено 10 свободных очков характеристик!]

Тишина вернулась в подвал внезапно, словно захлопнулась тяжелая дверь.

Только тонко, невыносимо жалобно скулил зажатый под телами Смык:

— Не надо... дяденька... господин маг... пощадите... я все отдам... всё...

Глеб не обращал на него внимания.

Таймер зелья: 42 секунды.

Он стоял посреди разгромленного подвала. От его тела валил густой, видимый в холодном воздухе пар — гипертермия достигала сорока одного градуса. Кровь в сосудах кипела, вымывая продукты сверхускоренного распада. Кожа горела огнем, но благодаря абсолютной чистоте эликсира в мышцах не было ядовитого жжения молочной кислоты. Была лишь колоссальная, всепоглощающая пустота — истощение энергетических депо.

Глеб медленно подошел к разбитому шкафу, нашел глиняную банку с патокой — неочищенным тростниковым сахаром, который Горр держал для подслащивания микстур.

Зачерпнул деревянной ложкой две огромные порции липкой коричневой массы и проглотил, почти не жуя.

Углеводы. Глюкоза. Топливо для восстановления уровня сахара в крови, пока мозг не отключился от гипогликемической комы.

Таймер зелья: 00.

Сила ушла разом.

Словно выдернули штепсель из розетки. Ноги Глеба подкосились, и он едва успел опереться здоровой рукой о край уцелевшей половины верстака. Тяжелая, свинцовая слабость навалилась на плечи, дыхание вырывалось из груди хриплыми, рваными толчками. Сердце колотилось в гортани с частотой под сто шестьдесят ударов.

Но он был жив. Его ткани были целы. Связки не порвались — чистота матрицы защитила клетки от структурного разрушения.

Сверху, со скрипом уцелевших ступеней, показалась бледная, трясущаяся физиономия старого Горра. Старик сжимал в руках ржавый тесак для рубки корней, его подбородок мелко прыгал, а глаза размером с медные пяты перебежали с мертвого Брута на изуродованного Варгаса и, наконец, остановились на Глебе.

— Т-ты... — просипел старик, и тесак со стуком выпал из его пальцев. — Ты кто такой?.. Ты демон? Архимаг?.. Что ты с ними сделал?!

Глеб вытер рукавом выступивший на лбу пот, смешанный с сажой и пылью.

— Я оптимизировал их кинетическую энергию, — холодно отозвался он.

Он подошел к телу Варгаса, наступил сапогом на его сломанный протез и наклонился. Здоровая рука Глеба ловко обшарила пояс главаря.

Тяжелый кожаный кошелек. Глеб развязал шнурок: внутри тускло звякнули монеты. Не медь. Шестнадцать серебряных имперских крон и три золотых дуката с профилем правящего герцога. На дне кошелька лежал плоский латунный жетон с выбитым клеймом: перекрещенный ключ и шестерня.

[Идентификация предмета: Пропуск третьего уровня в арсенальную зону Городской Стражи]

Глеб сжал жетон в кулаке. Губы его дрогнули в подобии усмешки.

То, за чем он собирался охотиться в трущобах, само пришло к нему в руки. Варгас был не просто вымогателем — он сбывал краденое имущество стражи и имел доступ за внешний периметр казарм. Туда, где на ночь запирали патрульных автоматов.

— Горр, — не оборачиваясь, бросил Глеб.

Старик вздрогнул, вжимаясь в стену:

— Д-да, господин?..

— Арбалетчик наверху. Он жив?

— С-сбежал... — заикаясь, выговорил аптекарь. — Как только Брут закричал, а пол затрясся... он бросил самострел и драпанул по переулку так, что пятки сверкали.

— Плохо, — констатировал Глеб. — Значит, через сорок минут здесь будут «Ржавые Псы». А следом за ними — патруль с собаками.

Он повернулся к скулящему Смыку. Тот лежал, вжав голову в плечи, боясь даже дышать.

— Ты, — Глеб пнул карманника носком сапога. — Встать.

Смык подорвался с проворством ошпаренной крысы, невзирая на ушицы, и рухнул на колени, непрерывно кланяясь:

— Пощадите, господин! Всё скажу! Всё сделаю! Мамой клянусь, святым пламенем...

— Заткнись. Берешь этого боровя, — Глеб указал на стонущего в коме Варгаса, — и тащишь его к отстойникам сточных вод у Западных ворот. Бросишь там в коллектор. Если он сдохнет по дороге — мне плевать. Если очнется — передай, что в следующий раз я растворю его в серной кислоте живьем. Ты понял?

— Понял! Всё понял, господин! Сию секунду! — Смык, скуля от натуги, вцепился в ремни доспеха Варгаса и, надрывая жилы, поволок гиганта вверх по разбитой лестнице.

Глеб повернулся к верстаку.

Времени не было совсем.

[До необратимого некроза нейросети субъект-реципиента: 33 часа 41 минута 02 секунды]

Он открыл распределение характеристик. Десять свободных очков.

В его ситуации вкладывать очки в физические параметры было нерационально — эликсиры давали процентный прирост, а базовую биологию следовало разгонять системно. Но выносливость определяла время удержания каскадного резонанса и скорость восстановления гликогена.

[Распределение очков:]

[Выносливость: 5 -> 10]

[Интеллект: 19 -> 24]

Тело отозвалось глубоким, гулким толчком тепла в солнечном сплетении. Дыхание мгновенно выровнялось. Свинцовая тяжесть в мышцах отступила, сменившись рабочей, упругой готовностью. А в голове словно распахнулось дополнительное окно — мысленные цепочки уравнений выстраивались с пугающей скоростью и кристальной ясностью.

Глеб подошел к нише в стене и достал пробирку с очищенным нейропептидом «Слез химеры». Завернул ее в чистую промасленную ткань, уложил в металлический пенал на поясе.

Затем взял со стола жетон арсенала.

— Горр, — сказал он, натягивая на плечи темный плащ, сорванный с крюка у входа. — Собирай самое ценное и уходи к родственникам в Верхний город. Это место сгорит до рассвета.

Старик судорожно закивал, сгребая в мешок какие-то свитки и пустые флаконы:

— А ты... ты куда, парень?

Глеб поправил повязку на обожженной руке. Боль больше не имела значения. Страх не имел значения. Вся вселенная сузилась до одной точки — пульсирующего алого таймера на сетчатке глаза.

— Мне нужен пёс, — тихо произнес он, шагая вверх по разбитым ступеням навстречу сырой ночной темноте тущоб. — Боевой пёс с радиоактивным сердцем.

Глава 5. Черный рынок Нижнего Города

Сырой воздух Нижнего Города ударил в лицо удушливой смесью сернистого газа, пережженного синтетического масла и гниющих пищевых концентратов.

Кислотная изморось мерно барабанила по ржавым гофрированным навесам, свисавшим над переулком подобно сломанным ребрам доисторического левиафана. Где-то высоко вверху, за тяжелыми испарениями вентиляционных шахт и вечно клубящимся смогом, угадывались исполинские железобетонные пилоны, державшие на своих плечах монолитные платформы Верхнего Сектора. Там сияли неоновые башни корпораций, цвели гидропонные сады аристократов и функционировали закрытые биореакторы чистокровных магов.

Здесь же, на нулевом уровне, жизнь не текла — она медленно разлагалась и боролась за каждый вдох.

Глеб натянул капюшон глубже на глаза, скрывая лицо в тени грубой промасленной ткани.

Каждый шаг по скользким ступеням отзывался в теле новой, непривычной кинетикой. Пять дополнительных единиц в «Выносливости» не просто увеличили объем легких — они перестроили митохондриальный баланс клеток. Молочная кислота в перегруженных мышцах утилизировалась почти мгновенно. Сердечный ритм держался на стабильных пятидесяти ударах в минуту, несмотря на быстрый темп ходьбы и ледяную влагу, пропитывавшую плащ.

А двадцать четыре очка «Интеллекта» превратили восприятие в самый сложный вычислительный комплекс.

Перед внутренним взором непрерывно разворачивались полупрозрачные координатные сетки. Звуки капель, свист пара из сорванного клапана в тридцати метрах слева, шарканье ног за углом — все это автоматически раскладывалось на векторы угроз, дистанции и вероятностные траектории.

[Внимание: Температура окружающей среды: +4.2°C]

[Влажность: 98% (высокая концентрация взвешенных сульфатов)]

[Эффективность метаболизма: 114%]

[Таймер нейросети субъект-реципиента: 33 часа 19 минут 48 секунд]

Каждая секунда на сетчатке таяла, словно крупинка радиоактивного изотопа. У него не было времени на акклиматизацию, сомнения или сон.

Чтобы стабилизировать субъект-реципиента, требовался не просто сложный состав — нужен был экзотический катализатор сверхвысокой плотности. В стандартных фармакопеех этого мира его называли «сердцем химеры» или «ядерным узлом биоконструкта». В терминологии квантовой химии, к которой привык разум Глеба, это был самоподдерживающийся биогенный микрореактор с замкнутым изотопным циклом.

Его нельзя было синтезировать в разбитой реторте старика Горра. Его можно было только вырезать из груди военного прототипа.

А прототипами в этом секторе торговал только один субъект.

Глеб свернул в узкую расщелину между двумя гигантскими дренажными трубами. Под ногами захлупала токсичная жижа, фосфоресцирующая бледно-зеленым светом. Вдоль стен жались тени: оборванные бродяги с кустарными аугментациями, бродячие алхимические наркоманы с остекленевшими глазами и дезертиры с выжженными клановыми клеймами. Никто из них не рискнул дернуться в его сторону — возросший показатель Интеллекта проецировал во внешнюю ауру то тяжелое, давящее ментальное поле, которое падальщики трущоб чувствовали за версту. Слабые здесь умирали быстро, но те, кто излучал расчетливую, холодную опасность, вызывали инстинктивный страх.

Миновав заброшенную компрессорную станцию, Глеб вышел к широкому подземному каньону.

Это было чрево Черного рынка.

Раньше здесь располагался центральный гидроузел дореформенной эпохи, но теперь гигантские резервуары были выпотрошены, а по их периметру лепились десятки ярусных построек из листового железа, контейнеров и пластиковых тентов. В воздухе стоял плотный гул сотен голосов, треск высоковольтных дуг и вонь паленой синтетической плоти. Под тусклым светом натриевых ламп сновали контрабандисты, вооруженные наемники синдикатов и серые дилеры.

Здесь продавалось все, что было запрещено законами Верхнего Города: немаркированные нейрочипы, боевые наркотики военного образца, органы мутантов из Внешней Пустоши и рабы с заблокированными интерфейсами.

Глеб сверился с ментальной картой, составленной по обрывочным воспоминаниям старого Горра и слухам из арсенальных журналов.

Цель находилась на нижнем ярусе, в так называемом «Шлюзе-9» — полузатоленном отсеке очистных сооружений.

Там держал свою лавку Барсук.

Контрабандист высшей гильдии подполья, специалист по военному неликvidу и скупщик краденого технологического сырья. Если в Нижний Город падало что-то ценное из верхних исследовательских лабораторий «Нейро-Генезиса» или клановых складов — это непременно оседало в цепких лапах Барсука.

Глеб спустился по скрипучей винтовой лестнице, сваренной из арматуры. У тяжелой бронированной двери с механическим замковым кольцом и гидравлическими доводчиками дежурили двое.

Оба охранника были модифицированы по низшему боевому стандарту: бугрящиеся синтетическими волокнами предплечья, дешевые оптические импланты, мерцающие тусклым багровым светом, и укороченные автоматические карабины, подключенные кабелями прямо к портам на запястьях.

— Стоять, культик, — проскрежетал левый, сплевывая на решетчатый настил темную химическую слюну. Взгляд его окуляра зафиксировался на перевязанной руке Глеба. — Вход по рекомендации или с залогом в пятьдесят медяков. Если пришел кланчить обезбол — разворачивайся, пока ноги целы.

Глеб даже не замедлил шага. Внутренний таймер безжалостно отсчитывал доли секунды, и любая задержка воспринималась им как прямая угроза целостности плана.

Взгляд его серых глаз метнулся от сочленения шейной брони левого бойца к открытому конденсатору на оружии правого. Интеллект в 24 единицы мгновенно выдал расчет: время на поражение обоих при помощи скрытого лезвия и выброса остаточной алхимической искры составляло 1.4 секунды.

Но тратить ресурсы было глупо.

Глеб вытащил из-под плаща металлический жетон арсенала, отобранный у телохранителя Варгаса, и швырнул его левому охраннику.

Тот перехватил тяжелый кругляк аугментированной лапой, опустил механический глаз. Металл тихо звякнул. На лице громилы отразилось искреннее изумление, сменившееся тупой тревогой.

— Личный пропуск интенданта Третьего Дома?.. — пробормотал он, нервно переглянувшись с напарником. — Откуда у тебя?..

— Барсуку скажи: пришел тот, кто может закрыть дефицит по проекту «Химера», — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Глеб. — И если ты заставишь меня ждать еще тридцать секунд, он снимет твою нейросеть и продаст ее на вес бродячим механикам, чтобы покрыть упущенную прибыль.

Охранник сглотнул. В Нижнем Городе наглость без огневой мощи стоила жизни, но этот оборванец говорил так, будто за его спиной стояла батарея плазменных турелей. К тому же жетон был подлинным, со свежими следами авторизационных микрочипов.

— Демон с тобой... Проходи. Но без фокусов. У босса в турелях патроны с обедненным карбидом, размажет в кашу.

Тяжелая дверь со стоном пневматики отошла в сторону, обдав Глеба запахом машинного масла, дорогого табака и едких реактивов.

Внутри логово Барсука напоминало смесь бункера судного дня и высокотехнологичной свалки. Вдоль стен громоздились армейские оружейные ящики, лабораторные центрифуги с сорванными пломбами корпораций, стеллажи с банками, в которых плавали в формалине органы странных тварей, и переплетенные пучки кабелей, питавших три десятка мониторов.

В глубине помещения, за массивным столом из цельного бронелиста сидел сам хозяин.

Барсук полностью оправдывал свою кличку. Невысокий, плотно сбитый, с короткой седеющей щетиной на массивной челюсти и неестественно широким торсом, закованным в экзоскелетную упряжь без внешних панелей. Левая половина его черепа представляла собой сплошную хромированную пластину, в которую было вмонтировано сложное подвижное гнездо из четырех микроскопических линз. Он препарировал тончайшим скальпелем кристаллический блок управления от боевого дрона, даже не подняв взгляда при появлении гостя.

— Жетон Варгаса, значит, — голос контрабандиста звучал глухо, с металлическим дребезжанием встроенного вокодера. — Этот самовлюбленный боров никогда не выпускал свои побрякушки из рук. Либо ты его труп бросил в сток, либо он послал тебя вместо себя, чтобы не платить по старым счетам. В любом случае, парень, ты вошел не в ту дверь.

— Варгас сейчас занят, — сухо ответил Глеб, подходя к столу и останавливаясь ровно в двух шагах от края — вне зоны прямого удара скрытых пневматических поршней, которые он

Глава 5. Черный рынок Нижнего Города

Сырой воздух Нижнего Города ударил в лицо удушливой смесью сернистых испарений, пережженного синтетического масла и едкой гари технических отходов.

Кислотная изморось мерно барабанила по ржавым гофрированным навесам, свисавшим над переулком подобно сломанным ребрам доисторического левиафана. Где-то высоко вверху, за тяжелыми испарениями циклопических вентиляционных шахт и вечно клубящимся смогом, угадывались исполинские железобетонные пилоны, державшие на своих плечах монолитные платформы Верхнего Сектора. Там сияли неоновые башни синдикатов, благоухали закрытые гидропонные сады патрициев и непрерывно гудели чистые биореакторы магических корпораций.

Здесь же, на нулевом уровне дренажной системы мегаполиса, жизнь не текла — она цеплялась за каждый глоток отфильтрованного воздуха и яростно боролась за выживание.

Глеб натянул капюшон глубже, скрывая лицо в тени грубой промасленной ткани.

Каждый шаг по скользким металлическим ступеням отзывался в теле новой, непривычной кинетикой. Десять единиц в «Выносливости» не просто увеличили объем легких — они кардинально перестроили митохондриальный баланс клеток. Накопленная усталость и остаточная боль от ожогов растворились в ровном мышечном тонусе. Молочная кислота в волокнах утилизировалась почти мгновенно, а дыхание оставалось ровным, несмотря на ледяную взвесь, пропитывавшую плащ.

А двадцать четыре очка «Интеллекта» превратили восприятие в сложнейший аналитический комплекс.

Перед внутренним взором непрерывно разворачивались полупрозрачные координатные сетки. Звуки капель, свист перегретого пара из сорванного клапана в тридцати метрах слева, шарканье подошв за мусорными контейнерами — все это автоматически раскладывалось сознанием на векторы угроз, дистанции и вероятностные траектории движения.

****[Внимание: Параметры окружающей среды зафиксированы]****

****[Температура: +4.2°C | Влажность: 98.4% (взвесь сульфатных солей)]****

****[Эффективность метаболического обмена: 114.2%]****

****[Когнитивная пропускная способность: +180% от базового уровня]****

****[Таймер нейросети субъект-реципиента: 33 часа 18 минут 11 секунд]****

Алые цифры обратного отсчета пульсировали на периферии сетчатки, словно раскаленная докрасна металлическая стружка. Времени на неспешные маневры не оставалось вовсе.

Чтобы спасти реципиента от необратимого распада нейронных цепей, требовался не стандартный медицинский стабилизатор, а уникальный квантовый катализатор сверхвысокой плотности. В академических талмудах Верхнего Города его стыдливо именовали «сердцем химеры» или «автономным изотопным биореактором». В терминах фундаментальной физики, которой Глеб оперировал в своем прошлом мире, это был замкнутый субмолекулярный генератор на базе стабилизированных тяжелых элементов, способный непрерывно подпитывать разрушающуюся энергоструктуру живого организма.

Собрать такой узел на коленке в полуразрушенной лаборатории старика Горра было физически невозможно. Но его можно было извлечь из армейского биоконструкта специального назначения.

А списанными боевыми машинами и нелегальными прототипами в этом секторе располагался только один субъект.

Глеб свернул в узкую расщелину между двумя колоссальными дренажными коллекторами. Под ногами глухо захлопала техническая эмульсия, фосфоресцирующая мутным изумрудным светом. Вдоль сырых стен жались бесформенные силуэты: бродяги с кустарными механическими протезами, разорившиеся алхимические подмастерья и дезертиры с выжженными клановыми клеймами на предплечьях. Никто из них не посмел дернуться в его сторону — возросший показатель Интеллекта проецировал во внешнюю ауру холодное, тяжелое ментальное давление. Обитатели трущоб обладали звериным чутьем на силу и сторонились тех, от кого веяло расчетливой, безжалостной уверенностью.

Миновав полузатопленную насосную станцию, Глеб вышел на край гигантского искусственного провала.

Перед ним раскинулся Черный рынок Нижнего Города.

Когда-то это циклопическое пространство служило центральным резервуаром гидроузла первой эпохи застройки. Теперь же многоярусные железные платформы, подвесные мосты на ржавых тросах и штабеля грузовых контейнеров образовали настоящий многоуровневый муравейник. Под тусклыми желтыми конусами натриевых прожекторов копошились сотни фигур. В воздухе стоял непрерывный низкий гул голосов, щелканье пневматических механизмов, треск дуговых сварок и резкий дух канифоли, эфира и жженой проводки.

Здесь торговали тем, о чем благочестивые магистры Верхнего Сектора предпочитали молчать в своих белокаменных коллегиях: несертифицированными нейрочипами, экспериментальными военными стимуляторами, экранированными накопителями маны и трофейными автоматами с затертыми заводскими номерами.

Глеб сверился с ментальной картой сектора. Цель находилась на самом нижнем горизонте, у бывшего технологического шлюза номер девять.

Именно там располагались склады Барсука.

Контрабандист высшей категории, скупщик технологического неликвида и неофициальный интендант серых наемных отрядов. Если в лабиринты Нижнего Города контрабандой просачивался военный образец из закрытых исследовательских комплексов корпорации «Нейро-Генезис» или арсеналов Великих Домов — он неизбежно проходил через руки Барсука.

Глеб спустился по скрипучей винтовой лестнице, настил которой вибрировал от работы подземных генераторов.

У входа в девятый шлюз, представлявший собой массивную гермодверь с гидравлическими распорками, несли караул двое часовых.

Оба были аугментированы по тяжелому штурмовому стандарту: массивные титановые накладки на ключицах, усиленные сервоприводами суставы ног и встроенные в предплечья автоматические карабины, соединенные гибкими бронешлангами с заплочными магазинами. Лица наемников скрывали глухие баллистические маски с узкими прорезями многоканальной оптики.

— Стоять, бродяга, — прохрипел правый через внешний динамик, лениво поднимая ствол на уровень груди Глеба. — Вход на склад только по предварительной брони или по прямому вызову хозяина. Если пришел сдавать пустые колбы — проваливай к мусорным прессам на третьем ярусе.

Глеб даже не замедлил хода, остановившись ровно на той дистанции, где сенсоры наведения карабина еще не переходили в режим автозахвата цели.

Внутренний аналитический модуль, подстегнутый высоким Интеллектом, за долю секунды выделил критические уязвимости обоих охранников: оголенный силовой кабель экзоскелета под левым подмышечным щитком у ближнего и перегретый теплообменник импланта в бедренном сочленении у дальнего. Два точных укола алхимическим лезвием с последующим выбросом концентрированного электролита вывели бы из строя обоих за 1.8 секунды.

Но устраивать бойню у порога нужного человека противоречило логике операции.

Глеб молча извлек из кармана тяжелый стальной кругляк с глубокой гравировкой в виде трех переплетенных шестерен — жетон тылового интенданта, снятый с Варгаса. Металл холодно блеснул под светом тусклого натриевого фонаря.

Глеб небрежно подобросил жетон и поймал его пальцами левой руки, развернув к оптике наемника.

Динамик бойца издал сдавленный треск. Красные огоньки его визора сфокусировались на гравировке, расширились, а сервомоторы карабина тихо взвизгнули, опуская оружие вниз.

— Знак снабжения Третьего Дома... — глухо произнес боец, бросив быстрый взгляд на напарника. — Свежий код доступа. Откуда это у тебя?

— Передай Барсуку: пришел специалист по ликвидации технологического брака, — ровным, ледяным тоном произнес Глеб. — Скажи, что я готов закрыть его зависший контракт по проекту полевых стабилизаторов. Если он заставит меня ждать дольше трех минут, я развернусь и отдам эту формулу ребятам из «Железного Синдиката». Они сидят двумя ярусами выше и заплатят чистой платиной.

Охранник заколебался. В законах трущоб наглость каралась мгновенной пулей, но абсолютная невозмутимость пришельца в сочетании с подлинным жетоном кланового офицера заставила наемника подчиниться регламенту. Он приложил палец к гарнитуре связи, пробормотал несколько кодовых фраз и спустя пять секунд отступил в сторону.

— Проходи. Босс у себя в испытательном ангаре. Руки держи на виду. Попробуешь вытащить ствол — потолочные турели превратят тебя в фарш раньше, чем ты моргнешь.

Тяжелая гермодверь с глухим шипением пневматики втянулась в паз, открывая проход внутрь бункера.

Внутри логово Барсука поражало контрастом между разрухой трущоб и сосредоточением сложнейшей инженерной мысли. Это был не просто склад, а первоклассная подпольная лаборатория-мастерская. Вдоль стен высились стеллажи с разобранными силовыми доспехами, штабелями герметичных кейсов с маркировкой корпоративных арсеналов, оптическими осциллографами и промышленными алхимическими дистилляторами. По центру потолка проходил толстый жгут оптоволоконных кабелей, питавший массив из трех десятков голографических дисплеев, паривших над центральным верстаком.

За верстаком, освещенный холодным синим светом проекций, сидел сам хозяин заведения.

Барсук полностью оправдывал свое прозвище. Низкорослый, кряжистый, с невероятно широкими плечами и шеей толщиной с бревно, он казался выкованным из чугуна. Половина его черепа была заменена матовой титановой пластиной с гнездом из четырех вращающихся микролинз вместо левого глаза. Тело контрабандиста стягивал тяжелый силовой экзоскелет без внешних декоративных панелей — только гидравлические шланги высокого давления, шарниры и массивные сервопоршни, способные согнуть рельс голыми руками.

В его аугментированной правой руке плясало тончайшее лазерное жало, которым он виртуозно спаивал разорванные дорожки на кремниевой плате армейского дешифратора.

— Жетон интенданта Варгаса, значит, — раздался скрипучий, хриплый голос, модулированный встроенным речевым синтезатором. Барсук даже не поднял взгляда от платы. — Этот надутый клановый индюк ни за что не расстался бы со своей печатью добровольно. Значит, ты либо обобрал его труп, либо загнал в такой угол, где отдают последнее. В любом случае, парень, ты ступил на очень тонкий лед. В моем заведении не любят тех, за кем тянется шлейф клановых разборок.

— Варгас допустил системную ошибку в оценке рисков, — сухо ответил Глеб, останавливаясь в трех шагах от верстака. — И теперь расплачивается за нее. Что касается льда — он проломится только под тем, у кого нет полезной массы. А я принес то, что перевесит любые претензии Третьего Дома.

Барсук выключил микролазер, отложил плату на антистатический коврик и медленно поднял голову. Блок оптических линз в его глазнице с тихим жужжанием повернулся, меняя фокусное расстояние. Красный луч сканера скользнул по фигуре Глеба, задержавшись на перевязанной руке, простом темном плаще и замер на спокойном, лишенном малейшего признака страха лице.

— Смело, — усмехнулся контрабандист, обнажая ряд металлических зубов. — Но смелость на Черном рынке стоит дешевле сточных помоев. Ты упомянул стабилизаторы. Если ты притащил мне очередную партию разбодяженного экстракта лунного корня от подпольных шаманов — я велю парням выбросить тебя в вентиляционную шахту прямо сейчас. Я потярял на последней поставке сорок тысяч кредитов из-за того, что клановые алхимики продали моим заказчикам неочищенную жижу с чистотой в шестьдесят процентов. Три моих лучших наемника схватили термический шок нейросети прямо посреди боевой операции. Их мозги спеклись за пять секунд.

— Я знаю, — холодно отозвался Глеб. — Корпоративные формулы деградируют при контакте с изотопной радиацией. Они используют органические связующие, которые коагулируют при плотности маны выше ста двадцати эргов. Это дилетантизм.

Брови Барсука поползли вверх, натянув бугристую кожу над имплантом. Он оперся тяжелыми механическими кулаками о столешницу, подавшись вперед.

— Дилетантизм? Ты называешь формулы лабораторий «Апекс-Био», за которые кланы платят тоннами золота, дилетантизмом? И кто же ты такой, щегол? Новый непризнанный гений из сточной канавы?

— Я тот, кто решил проблему квантовой когерентности в нестабильных пептидных соединениях, — отрезал Глеб. — Но пустые разговоры не имеют веса. Мне нужен товар из твоих запасников. А тебе нужно восстановить репутацию перед заказчиками.

— Какой товар? — прищурился контрабандист.

— Биоконструкт серии «Цербер-М» или «Гончая-4». Списанный армейский прототип. Главное условие — живой, способный к удержанию поля изотопный микрореактор в грудном отсеке. Мне нужно радиоактивное биогенное ядро с ненарушенной матрицей распада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.